

Серия NON-fiction медали-премии им. Ивана Грозного

Шарип Окунчаев

**Хождение нахов
к Пророку**

Non-fiction (ИП Березина)

Шарип Окунчаев

Хождение нахов к пророку

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Окунчаев Ш.

Хождение нахов к пророку / Ш. Окунчаев — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Non-fiction (ИП Березина))

ISBN 978-5-907306-75-2

«Хождение нахов к Пророку» – исторический роман, написанный на основе реальных событий. Это многолетний труд, собранный по крупицам из документальных источников, а также легенд, рассказов, передаваемых из поколения в поколение. Автор надеется, что читателю будет интересно приблизиться к истине в многолетних спорных вопросах нахской истории, особенно относительно времени принятия чеченцами ислама.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-75-2

© Окунчаев Ш., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шарип Заурбекович Оқунчаев

Хождение нахов к Пророку

© Ш.Оқунчаев, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

От автора

*Ислам – это не зелёный халат, не турецкий колпак и борода.
Ислам – это душа человека, которую можно украсить
не одеждой, а добрыми делами. Мне, чеченцу,
дорога чеченская одежда, а не арабская и турецкая.
Меня Всевышний создал чеченцем, и никто,
кроме Него, не знает, как я благодарен Ему за это.*

Шейх Абдул-Баки Джамо

Идея написания данной книги терзала меня много лет. Ведь написать – это одно, а убедить – совсем другое. Материалы, которые я собрал, дают достаточно оснований утверждать о достоверности исторических фактов, описанных в этой книге.

Будучи ещё ребёнком, я любил слушать беседы стариков на темы истории, религии чеченского народа. Добавлю, что всю свою сознательную жизнь считал и считаю, что чеченцы и ингуши – один народ. Сословно мы делимся на тайпы, это единственное наше разделение, и только. Мы – один народ: НОХЧИ.

Все разговоры о том, что мы, нохчи¹, приняли ислам двести-триста лет назад, недостоверны. Ислам пришёл к нам ещё при жизни Пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует).

Да, допускаю поэтапность принятия ислама во времени теми или иными тайпами, так как были такие, кто принимал иудаизм, христианство. В конечном итоге результаты первой делегации, заложившие основу исламизации нахских народов², увенчались успехом. Многократные попытки исказить нашу древнейшую историю теми, кто не может согласиться с этим, то ли из-за зависти, то ли из-за внутреннего шовинистического эгоизма, терпят с каждым днём фиаско. Тем не менее факт – это сильная сторона любой истины. То, что наши старики из поколения в поколение передавали нам факты истории, порой и легендами, подтверждается сегодня многими историками, в том числе зарубежными учёными. Некоторые материалы читатель найдёт в данном издании.

Радует то, что консервативный этнос нохчи, проходя через небывалые испытания разных времён и политических формаций, сумел сохранить национальные ценности, свои обычаи и традиции, при этом оставаясь мусульманами.

Представляю вашему вниманию роман, в котором описываются события, произошедшие в поистине исторические и переломные для многих народов времена. Допускаю, что могут встречаться какие-то неточности в исторических аспектах, названиях населённых пунктов и т. д. (да простит меня читатель). В книге документальная часть дополняет художественную, ибо без определённых героев времени возродить историю, я бы сказал, неинтересно. Реальность исторических фактов, подтверждённых документальными источниками, даёт мне право думать, что работа удалась. Тем не менее судить читателю.

Мы можем гордиться своей богатой историей. Воспитывать подрастающее поколение необходимо, сохраняя консерватизм жизненного уклада. Процесс развития общества на огромном старте, это новые технологии, инновации, то есть колоссальные достижения науки. Вместе с тем пусть это будет просто дополнением развития национальных особенностей. Но ни в коем случае нельзя корректировать наши устои. Духовные ценности, заложенные в наци-

---

¹ Нохчи – самоназвание чеченцев.

² Нахские народы (нахи) – этноязыковая общность, которая в современном кавказоведении объединяет ингушей и чеченцев в России, а также бацбийцев и кистинцев в Грузии.

ональной особенности нашего народа исторически, мы должны сохранять и передавать будущим поколениям.

Я хочу выразить огромную благодарность моим консультантам, оказавшим мне содействие: по религиозным вопросам – известным богословам Байали Тевсиеву и Лёме Эскерханову; по истории – Сайпуди Натаеву и Сулейману Демелханову; по фотоматериалам – Исламу Матусханову; по финансовой поддержке – Ибрагиму Мустабирову (г. Курчалой ЧР) и Эльбеку Мусиханову (с. Гелдаган ЧР).

Глава 1

Беспокойство о народе

*Слова, которые рождаются в сердце,
доходят до сердца, а те, что рождаются
на языке, не идут дальше ушей.*

Ибрагим Аль-Хусри

632 год.

Сурхо сидел на пеньке, оставшемся от недавно аккуратно срубленного дерева, во дворе своего дома. Огромный дуб пережил целые поколения, не одну сотню лет, но, подсыхая из года в год, становился опасным. Любой сильный ветер, особенно по весне, мог свалить полусухостой не на одну саклю. Во избежание трагедии по просьбе соседей было решено всё-таки срубить дерево.

Раннее весеннее утро в горах веет приятной прохладой. Кое-где ещё заметны следы снега. На вершинах гор, безусловно, лежит вечный снег, а здесь, чуть ниже, пора браться за весенние полевые работы. Кроме лугов и полей в предгорье на склонах есть террасы, куда человеческим трудом завезена с низов земля. На этих террасах сажают всё, что служит пищей человеку: пшеницу, рожь, ячмень, овёс. С недавних пор горцы начали осваивать и такую новую культуру, как кукуруза, которая быстро приобрела популярность.

– Доброе утро, Сурхо. Что такой унылый в столь ранний час? Не спится?

– Доброе утро, Олхазар. Какой ранний час? Не видишь, уже птицы летают? Если человек хочет чего-то добиться в этой жизни, должен вставать раньше птиц. Тем более мы, старцы. Подремали, и хватит.

– Да, Сурхо, тебе действительно сейчас не до сна. Как выбрали тебя мехк-да³ нашего народа на Мехк-к хеле⁴, так тебя словно подменили. Ни днём, ни ночью тебя не сыскать. Я слышал, как ты приехал вчера ночью, но не стал тревожить. Где ты ходишь, ездешь? Что нового говорят в Магасе⁵? – начал расспрашивать друга Олхазар.

Не прошло и полгода, как на Мехк-кхеле Сурхо был всеми представителями от тукхумов⁶ и тайпов⁷ избран главой нахского народа. Резиденция Сурхо, как главы нахов, находилась в его родовом ауле Нашха⁸. Именно здесь собирался и Мехк-кхел, здесь принимались самые важные решения, которые касались нахов.

Сурхо отличался особым даром мудрости и невероятным мужеством. В народе знали, как он побеждал врагов в боях. Выходил из любых трудных ситуаций во время боестолкновений. Одинаково обеими руками владел всеми видами оружия. Это был прирождённый воин. И сейчас, будучи старцем, которому за семьдесят лет, при удобном случае учил молодёжь боевым навыкам. Хотя учителей военного искусства всегда хватало, но огромный опыт Сурхо был незаменим.

---

³ Мехк-да (чеч.) – дословно: отец страны.

⁴ Мехк-кхел (чеч.) – Совет страны.

⁵ Магас (Maġas) – столица Алании (нахского государства). Место расположения спорное, но по ранним источникам, в предгорье Ханкальского ущелья, около 20 км от г. Грозного, недалеко от с. Алхан-Кала.

⁶ Тукхум (чеч.) – союз тайпов; военно-политическое объединение.

⁷ Тайп (чеч.) – братство (вошалла), ассоциация родственных и неродственных (социальных) групп, объединённых едиными общественными, экономическими интересами и мифологическим родством.

⁸ Нашха (чеч.) – историческая область на западе горной Чечни. Духовный, сакральный центр Чечни в домусульманский период.

Один из четырёх сыновей Сурхо погиб в бою при походе бека⁹ в низовье реки Итиль¹⁰, звали его Мутуш – был вторым после старшего. Старший сын Дадаш служит у бека до сих пор. Третий сын Кёри чуть больше года назад женился и живёт пока в отцовском доме. Ему была отведена отдельная комната до окончания строительства его собственного дома. Самый младший, Канташ, был любимцем отца. Многие в ауле говорили, что он вылитый отец. Статный красавец и отважный воин, пример для многих. В данное время был одним из приближённых отца. Несмотря на молодость, возглавлял его личную охрану. Все в народе были единого мнения, что сын продолжит дело отца. Многие девушки, как в столице, так и в ауле, старались завладеть его вниманием, но Канташ как будто никого не замечал. Никто не знал, что душа его сильно взволнована красавицей Алет из родового аула матери. Две дочери Сурхо уже вышли замуж и имели свои семьи. Один Канташ был не женат, и сёстры всячески донимали его, что пора определиться. Мать Айтула знала про увлечение сына, тем более что хорошо знала Алет и её родственников, так как они были родом из одного аула Итон-Кхаьл¹¹.

Сурхо тяготила служба Дадаша у бека Булана. Он был против, особенно после того, как в каганате начали исповедовать иудаизм¹². По приезде домой сына между ними вспыхивали долгие споры. Дадаш пытался убедить отца в том, что так надо, якобы он на хорошем счету у бека. Отец стоял на своём: что эта вера не подходит им, что ни он, ни его народ не признают такую веру, которая, как говорят, требует приношения в жертву людей, даже детей.

Сурхо каждый раз напоминал сыну, что, если тот примет эту веру, он отречётся от него, а то и лишит жизни. Дадаш отлично знал, что отец не бросает слов на ветер, это и сдерживало его. Хотя бек всячески убеждал его в необходимости принять иудаизм, как и многие другие в каганате, в том числе и нахи, Дадаш не решался. Более того, он не решался рассказать беку о своих спорах с отцом, его категоричности по отношению к иудаизму и хазарам вообще. Безусловно, он боялся потерять всё, чего добился.

Дадаш понимал, что когда-нибудь до бека (а то и кагана¹³) донесут, почему он не принимает иудейскую веру, которая становилась чуть ли не государственной. Потому как это решение самого правителя Хазарии Джебу-кагана. Его сын Шад тоже выполнил волю своего отца. Тем не менее обязывать население, а также объявлять иудаизм официальной верой, ни каган, ни бек пока не решались.

Хазарский каганат как самостоятельное государство только зарождался. Конфедерация горских народов была частью сосуществования Хазарского государства на Кавказе, в том числе и нахского народа, особенно из числа равнинных. Вместе с тем горная часть нахов имела свою самобытность и конфедеративную государственную единицу Аланию¹⁴ со столицей Магас. Кроме нахского народа, как основного, в состав Алании входили хИри¹⁵, адыги и множество малых народов. Каган вёл с нахами мирную политику, так как они составляли большинство населения не только Алании, но и всего Северного Кавказа. Значительная их часть была в составе его армии, в том числе и среди командного состава. Более того, сам бек Булан был из равнинных нахов.

Горцы из числа нахского народа были язычниками. Основными божевами были: бог солнца и неба Дела, бог грома и молнии Села, покровитель скотоводства Галь-Ерды, охоты – Елта, богиня плодородия Тушоли, бог загробного мира Эштр.

⁹ Бек – важный чин в Хазарском каганате, второй после кагана.

¹⁰ Итиль – река Волга.

¹¹ Итон-Кхаьл (чеч.) – нынешнее горное селение Итум-Кале.

¹² Бек первым принял в Хазарии иудаизм.

¹³ Каган – правитель Хазарского каганата.

¹⁴ Алания – древнее нахское государство на Северо-Восточном Кавказе до XIII в.

¹⁵ ХИри (чеч.) – чеченское название осетин.

Тем не менее, помимо иудаизма, одни начали исповедовать христианство, а некоторые стали говорить о мусульманской вере¹⁶, для многих новой.

Вот и Дадаша что-то сдерживало от принятия иудейской веры. Не только потому, что отец был против, но и потому, что постулаты новой для них веры никак не вписывались в адаты¹⁷ его народа. Многие из его близких товарищей из разных уголков Кавказа, в том числе и нахи, уже исповедовали иудаизм. В основном это было связано с тем, чтобы угодить кагану, показать преданность, верность.

– Ну что я тебе могу сказать, Олхазар, – Сурхо встал, как и подобает, когда кто-то подходит и здороваются. – Сядь рядом на скамейку. Я вот почему-то люблю сидеть на этом пенёчке.

Олхазар подошёл, обнялся с соседом и другом.

– Конечно, время беспокойное сейчас, – продолжил Сурхо. – Редко какой старец у нас доживает до глубокой старости. От многочисленных ран, полученных в сражениях, они рано уходят из этой жизни. Так умерли и твой отец, и мой. Больно смотреть на наших одиноких женщин, как они мучаются со своими семьями. Попробуй-ка поднять одной целую семью. Это геройский поступок для любой женщины.

– Да, ты прав, – ответил Олхазар, понурился и о чём-то задумавшись.

– Я вот что думаю. Ты – мой самый близкий друг. Сколько уже вместе и как соседи, и как друзья. В каких только сложных переделках мы не побывали! Мои братья и родственники, как и твои, иногда ревнуют нас друг к другу. Да это и хорошо. Пусть знают и видят настоящую дружбу и братство. Мы ведь своим примером учим молодёжь. Врагов у нашего народа всегда хватало. Не раз приходилось от них отбиваться. Но таких врагов, как каган и ему подобные, у нас нет, тебе я могу об этом сказать. Хотя мы сейчас и независимы от них, но думаю, что, когда окрепнут, они не оставят нас в покое. Кстати, так же думает и паччахь¹⁸ Сайради¹⁹. Был в Магасе и встречался с ним. Он сказал, что нам выгодно на нынешних условиях иметь с ними дружбу. И ещё он заметил, что если они будут нарушать условия договора, то с плеч скинуть всегда успеём.

– Что ты такое говоришь?! – удивился Олхазар. – Что за мысли у тебя такие? Если об этом узнают там, – Олхазар направил палец в сторону столицы каганата Семендера, – то несдобровать нашим бойцам, которые у них на службе, особенно твоему сыну Дадашу. Я слышал, он в дружеских отношениях с сыном кагана Шадамом. Ты, как глава нашего народа, должен быть осторожным в словах, даже если их произнёс Сайради. Да, он паччахь всей Алании и объединяет многие народы, но у нахов мехкда ты – избранный всеми. До Каспийского моря вся территория наша, и теперь мы в составе Хазарии.

– Олхазар, я, по-твоему, из ума выжил? Я всё понимаю. Очень хорошо понимаю. Поэтому и молчу. На всех сходах, где я бываю, ещё не такое слышу. Мы государство в государстве, хотя теперь по договорённости одно государство. В любом случае я думаю, что сейчас каган что-то предпринимать против нас не будет. Со всеми горскими народами он будет налаживать дружеские отношения, особенно с нами. Нас много, и мы сильны. Он постарается объединить всех под единым началом. Мои люди часто бывают в их столице и докладывают всё, что видят и слышат. Пока мы с ними в мирном сосуществовании. Более того, у многих из нас дети служат в рядах хазар, большинство живёт за счёт торговли. Если вдруг мы нарушим этот хрупкий мир,

---

¹⁶ Начиная с 630 г. многочисленные междоусобные столкновения привели к развалу Западно-Тюркского каганата. Результатом этого стало появление на его периферии, в степях Восточной Европы, двух новых политических образований. В Причерноморье возникла Великая Болгария, основанная ханом Кубратом в 632 г., а в Прикаспийском регионе – Хазария.

¹⁷ Адат (араб.) – исторически сформировавшаяся внутри рода, племени, народа норма поведения, некогда регулировавшая родо-племенные отношения общества через общественное порицание, апелляцию к чести и достоинству либо воздаяние равным.

¹⁸ Паччахь (чеч.) – падишах, царь, государь.

¹⁹ Сайради (чеч.) – по всем источникам, из нахов (нохчи), он же Сародий (Саросий), царь Алании.

то, считай, нам всем перекроют любые дороги в свет. Нашему народу будет тяжело выжить. Кстати, ведь Булан тоже из нахов, из тайпа энгеной²⁰, из равнинных. У него в руках огромная власть.

– Вот я тебе и говорю: кругом наши, власть наша, а значит, и государство наше. Паччахь Сайради тоже ведь из орстхой²¹, а мать у него из тайпа дишни²², – Олхазар на миг замолчал, подумал о чём-то и продолжил: – Я тоже иногда бываю в их столице и всё вижу. Мне так жалко тех людей, которых они пригоняют и продают, как скот. Говорят, в основном это русы²³. Неужели они не могут себя защитить? Сколько лет уже всё везут и везут. Молодые, красивые, статные. Какие девушки красавицы, смотришь на них и не налюбишься. Дадаш что говорит? Он же самый приближенный у бека?

Олхазар задел друга за живое. Эта тема для Сурхо была очень тяжёлой. Он знал, что многие за спиной его осуждают, но пока ничего не мог предпринять. Он, конечно, мог бы беспрекословно приказать сыну уйти со службы, и это было бы немедленно исполнено. Как глава целого народа, который жил в составе огромного государства, он должен быть хорошо осведомлённым. Это было очень важно. Так как его народ составлял основное большинство, он имел более весомый авторитет среди таких, как он, из других народностей. Более того, он хорошо знал, что, как и его сын, многие соплеменники были воинами и получали жалованье от кагана и бека. Конечно, были и такие, которые наживались грабежами. Сурхо это всячески осуждал, хотя в общественных местах приходилось иногда молчать.

– Да, Олхазар, это повторяется из года в год. Ты спрашиваешь про Дадаша, а что он? Иногда удивляет меня своими мыслями. Считает, что не за горами то время, когда нахи будут править каганатом, и что это будет наше государство. С трудом в это верится, но он в этом абсолютно убеждён.

– А что? Дадаш – умный парень и зря ничего говорить не будет. Он среди них, и ему виднее. Будем молиться за него, – сказал Олхазар. – На днях привезли новую партию. В основном молодые, красивые девушки. Говорят, напали на какой-то городок, почти всех порубили: стариков, мужчин, даже детей не пожалели, – с грустью произнёс Олхазар. – Знаешь, на этот раз и покупателей приехало много, со всех концов. В основном арабы да много чужестранцев всяких. Я полагаю, что на всех и не хватит этого живого товара. Мне так жалко было смотреть на них, особенно на одну девушку. То ли она участвовала в бою, то ли сопротивлялась, но уж больно побитая и, видимо, не из простого люда. По всему телу синяки, и на ногах еле держалась. Рядом стоявшие поддерживали её. Я бы купил её, но именно за неё и просили много. У меня не было такой возможности. Привёз бы, как родную дочь, и в обиду не дал бы, но... – Олхазар замолчал и задумался.

– А когда ты успел-то там побывать? – спросил Сурхо.

– На днях. Ты был в отъезде. Возил пшеницу в Семендер. Почти всё продал. Вот один бык у меня уже не годится впряг, что-то с ногой. Видимо, придётся на мясо пустить, еле-еле доехал до дома. Так вот, у меня не раз возникала мысль купить какую-нибудь красавицу. А что? Старухе помощница, и сам, глядишь, помолодею, – на лице появилась озорная улыбка, посмотрел на друга, на его реакцию: – Но перед детьми будет неудобно. Старые мы уж больно...

– Шутишь, Олхазар? Только что говорил, что принял бы как родную дочь, а теперь о молодой жене думаешь. Мы не раз, как и наши предки, захватывали пленников. Но это происходило и происходит в бою. Затем мы их отпускаем, после определённой работы или выкупа, или обмениваем на наших. Хотя наши воины редко попадают в плен.

---

²⁰ Энгеной (чеч.) – один из чеченских тайпов.

²¹ Орстхой (чеч.) – тукхум (союз чеченских тайпов на западе Чечни).

²² Дишни (чеч.) – чеченский тайп.

²³ Русы – русские.

Сурхо сделал небольшую паузу, как бы собираясь с новыми мыслями. Олхазар, видя, что он не закончил, не стал его перебивать и молча слушал.

– Мы это делаем с целью восстановления причинённого ущерба. Остаются вдовы с осиротевшими детьми. Вон их сколько. Сердце от боли сжимается, когда вижу, как они выполняют непосильную для их плеч мужскую работу. Допускаю, когда дети уже взрослые, а с малолетними на руках как быть? Им нужна помощь, и за это мы в ответе, – как бы сам с собой разговаривая, рассуждал Сурхо.

– Я всё понимаю, Сурхо. Ты правильно говоришь, что мы все в ответе. Вместе с тем на твоих плечах особая ответственность. Наш народ верит тебе, ты главный. Народ молит всех наших богов, чтобы у тебя хватило здоровья и сил нести эту непростую ношу. Ты, главное, крепись.

– Меня ещё тревожит то, что наш народ портится на глазах. Я не могу на это спокойно смотреть. Многие стали алчными, с каким-то рабским поклонением выслуживаются перед этими хазарами. Противно смотреть. Меня часто спрашивают: мол, что делать-то? Я не знаю, что ответить. Среди наших людей идёт разобщение, – Сурхо сделал паузу, поправил тулуп: в горах по весне бывают довольно прохладные дни, особенно по утрам, и поэтому приходится одеваться теплее. – Кто-то стал исповедовать иудаизм. В основном те, кто пытается угодить хазарам. Обидно, что Булан начал это. Есть и такие, кто стал исповедовать христианство. Представители из Константинополя как паломники ходят по нашим аулам и городам, подстрекая людей. Я встречался с человеком из далёкой арабской страны, который говорит, что он вестник посланника Бога, нового Пророка, и зовут его якобы Мухаммед (*да благословит его Аллах и приветствует*). На самом деле многие знают его как купца. Он пригоняет караван с хорошим товаром, продаёт здесь, а отсюда наш товар везёт туда. По его словам, у них один Бог. Они называют себя мусульманами, а Бога – Аллахом. Он одним из первых принял там ислам, с клятвой верности самому Мухаммеду (*да благословит его Аллах и приветствует*). И теперь везде, где он бывает, выполняет миссию, разъясняя постулаты новой, как он выражается, истинной веры.

– Да что ты говоришь?! – удивился Олхазар. – Выходит, наши предки не знали, кому поклоняться? Зачем нам чужое? У нас есть своя вера.

В это время где-то в ауле залаяли собаки, замычала скотина. Аульчане потихоньку встречали новый день с новыми заботами. Старцы начали выходить из домов и оглядываться. Некоторые заметили, как два старых друга сидят и о чём-то мирно беседуют. Место, где они сидели, было подобием майдана. Собираясь здесь, люди обсуждали разные темы, начиная от семейных, торговых вопросов, ведения хозяйства и заканчивая политикой. Сурхо пользовался огромным авторитетом. Все новости в основном исходили от него, хотя дома в последнее время он бывал редко. Тем не менее всем не терпелось от него узнать, что нового в других краях.

– Олхазар, я сегодня дома и никуда пока не собираюсь. Зайди ко мне вечером, мы продолжим наш разговор. Хочешь, я могу к тебе прийти? Мне нужен твой совет. Я недавно ездил к андийцам, и у нас был серьёзный разговор. Там были представители многих народностей. Пока этот вопрос могу обсудить только с тобой. Сейчас почти все проснулись, и разговор у нас не получится.

– Конечно, конечно, Сурхо, – радостно ответил Олхазар. – У тебя и так спокойно не поговоришь. То один придёт, то другой. Да и Ровзан обрадуется.

– Давай тогда до вечера, – Сурхо встал, чтобы поприветствовать аульчан.

Глава 2

Особое поручение

Мужчину должны украшать три вещи: порядочность, характер и поступки, а не дешёвые понты, завышенная самооценка и длинный язык.

День выдался по-весеннему погожим. Это были первые дни бизкарг-бутта²⁴. Зима ещё толком не закончилась, но погода, на радость всем, стояла чудесная. Обычно весной в горах это время года ни дня не проходит, чтобы не было снега или дождя. А тут уже второй день ясно и солнечно. Весной погода в горах может вмиг измениться. Тут же могут появиться облака, следом – и тучи. Обычно ненастье стоит несколько дней, затем выпадают осадки, примерно столько же времени. Это весенняя непредсказуемая погода.

Вокруг всё живое вступало в свои права. Снега кругом, кроме как в горах, почти не осталось. Ручьи то там, то здесь, особенно с гор, струились вниз, затем, растекаясь, внизу превращались в большие потоки. Особенно после обильного дождя реки наносили огромный ущерб природе. Потоки рек превращались в неумолимо грозное оружие природы. Устремлялись вниз, сметая всё на своём пути, не жалея никого. Люди старались строить свои жилища у реки, но на определённой высоте или близ большого по ширине разлива, чтобы вода не подступала к жилищам. Но каждый раз без трагедий не обходилось. Это родная стихия Кавказа.

Канташ чуть позже, но так же рано встал, как и отец. Уже год как он не отходил от Сурхо, возглавляя его личную охрану. В охране все воины были удалцы и проверены временем, в отличие от Канташа, они успели побывать в горячих схватках с врагом. Многие воины были и по годам старше, но вместе с тем Канташ, как и отец, пользовался большим уважением в народе. На него смотрели как на будущего преемника отца.

Домашний очаг Сурхо в Нашха представлял собой строение оборонного масштаба. Боевая башня в четыре этажа и пристроенная к башне огромная кунацкая²⁵, плюс большой двор, огороженный высокими стенами. Вокруг в ауле строения горцев были также в основном выложены из бутового камня, в случае боевых действий служившего оборонительным препятствием для врага. С высоты боевой башни почти всё ущелье было видно как на ладони. Через два-три горных хребта начиналась Ханкальская равнина, откуда далеко внизу, еле заметный глазу, виднелся и Магас.

Строение боевых башен того времени было непосредственно связано с военной стратегией нахов. В случае появления врага через башни передавались сигналы по всей территории страны, вплоть до самых высоких гор, путём зажигания огня. При виде вдали дыма, поднимающегося со сторожевой башни, на другой башне также зажигали огонь. Так мгновенно шла мобилизация армии для отпора врага. Исторически сложилось так, что при наступлении противник свои первые удары обрушивал на нашхинские земли, особенно на столицу нахов Магас.

Каждый раз, когда Сурхо приезжал домой, охрана останавливалась в кунацкой. Канташ, подойдя к дверям кунацкой, увидел, что все его боевые товарищи уже на ногах. Только ночной дозор, который только что сменился, отдыхал.

– Доброе утро, кКентий²⁶. Вам удалось немного отдохнуть? – спросил Канташ.

– И тебе доброе утро, – ответили все почти хором. – Всё нормально. Сурхо очень рано встал сегодня и долго сидел на пеньке, пока Олхазар к нему не подошёл. О чём-то беседуют. Муслу и Солта были в дозоре, они нас предупредили. Тебя не стали тревожить.

---

²⁴ Бизкарг-бутт (чеч.) – месяц март.

²⁵ Кунацкая (чеч.) – комната, предназначенная только для гостей.

²⁶ ККентий (чеч.) – молодцы, удалцы.

– Прошу так больше не делать, – с негодованием произнёс командир. – Я хоть и поздно лёг, с наной²⁷ и домочадцами общался, но всегда готов к любой переделке.

– Ты не обижайся, Канташ, – за всех ответил Шадид, который был в команде самым старшим и уважаемым. – Поверь мне, о любой опасности ты сразу же узнаешь. Это просто осторожность, как и всегда. Спасибо ребятам. Перед тобой и перед твоим отцом я в ответе за происходящее. Это воля твоего отца. Вы все молодые, быстрые как огонь. Мне Сурхо поручил следить за дисциплиной, и я этим горжусь. Вы сейчас учитесь суровой жизни познания мира, это наша мужская доля. Опыт жизни приходит с годами, и задача старших – передавать его из поколения в поколение.

– Спасибо, Шадид, это никто не оспаривает. Я имею в виду, что жалеть меня не надо, мы все одинаково в ответе за выполнение приказов. Что отец тебя очень уважает и ценит, мы все знаем. Прислушиваться к твоему слову и мнению – для всех нас честь. Не волнуйся, мы тебя не подведём, – почтительно сказал Канташ, чтобы на этом закончить разговор.

– Хорошо, – Шадид как будто прочитал мысли Канташа. – Какие планы у Сурхо на сегодня? Он ничего не говорил?

– Да нет, ничего особенного. Сказал, что этот день проведём дома, якобы нужно пообщаться со старейшинами.

– Я ему не завидую. На нём огромная ответственность за целый народ. Это непростая задача, – высказал свои мысли Шадид. – Ты лучше скажи, куда это ты так с утра нарядился? – От его острого взгляда невозможно было что-то утаить.

– Да ничего, – с волнением ответил Канташ, – нана просит, пока вы все здесь, отвезти её к родным. К вечеру, думаю, вернёмся. Правда, ещё не знаю, что дада²⁸ скажет. Если разрешит, то поедем.

– Ну почему не разрешит, тоже нужное дело, – спокойно сказал Шадид.

Некоторые заулыбались.

Все понимали суть происходящего. Знали, что Канташ стремится на свидание к Алет. Да и Сурхо, возможно, по этой причине и приехал домой. Ведь женитьба сына была важна для него именно сейчас, пока политическая обстановка довольно-таки спокойная. Хотя в любое время всё может измениться.

– Скажу тебе больше, Канташ. У нас в народе говорят, что настоящий мужчина должен особо почитать родственников матери и, если женат, – родственников супруги. Так что, конечно, надо съездить. А кого ты возьмёшь с собой? Одного мы тебя не пустим, а твой друг Солта был в дозоре. Вон, смотри, он нас и не слышит, спит как сурок.

– Я всё слышу, – неожиданно откликнулся Солта, хотя глаза и были закрыты. – Мы с Муслу по очереди успели отдохнуть. Так что я готов хоть куда.

– Что?! – чуть не взорвался Шадид. – Какой отдых? Кто вам позволил? У вас какое было задание? По разным углам двора, аула. А я что слышу? Самовольно принимаете решения? Встать! – Шадид не на шутку был зол. Его редко можно было увидеть таким. И действительно, это было грубейшее нарушение дисциплины. Все понимали, что без наказания их товарищ не останется. Солта был близким другом Канташа с детства, но служил в команде недавно. Все молчали, даже Канташ, зная, что Шадид в ответе за порядок и ему перечить нельзя.

Солта встал и тоже молча стоял с опущенной головой. Он отлично понимал, что военная дисциплина и умение владеть собой для мужчины имеют особое значение, потому как этому учили с детства. Нарушение правил в дозоре у воинов происходило редко. Шадид был удивлён наивности лучшего друга командира, но и спустить такое – значило изменить своим принци-

---

²⁷ Нана (чеч.) – мать, мама.

²⁸ Дада (чеч.) – отец, папа.

пам. Он понимал, что не может такое допустить. Хотя последнее слово было за Канташем, а то и за Сурхо.

– Канташ, я слушаю тебя, – обратился Шадид к командиру. – Что ты решишь? Отцу сам доложишь, или я это сделаю?

– Шадид, мы тебя уважаем и...

– Это всё я понимаю, – перебил его Шадид, – но впервые тебе надо решить важный вопрос, особенно важный для тебя. Ты не просто командир, а командир бессмертников²⁹ – личной охраны главы нашего народа.

– В данный момент мне очень сложно что-то решать. Я понимаю, это заслуживает наказания, – Канташ сделал паузу, собираясь с мыслями. – Одно меня утешает: что он честно об этом сказал. Мог бы и промолчать...

– Он ведь не один, – опять в ярости перебил его Шадид. – Муслу также должен понести наказание. Солта всего неделю у нас в отряде, а Муслу – опытный волк³⁰, знающий все тонкости военной дисциплины.

До этого шума отдохавший Муслу встал.

– Никакого нарушения не было, Шадид. Не знаю, почему Солта молчит. Я знал, что сегодня Канташ собирается ехать к родственникам матери, и подумал, что он возьмёт с собой Солту. Поэтому после полуночи взял на себя ответственность и попросил Езеда сменить его, вот и всё. Это не нарушение. Езд не хуже Солты знает, что такой дозор. Тебя я не стал тревожить.

– А почему тогда Солта молчит? – не унимался Шадид.

– Так ты ему не даёшь сказать, – ответил Муслу.

– Давайте все успокоимся, – сказал Канташ с огромным облегчением.

Наказать друга было непросто для начинающего свою военную карьеру воина. Обычным наказанием служил вывод из отряда на определённое время, при повторном случае – навсегда. Наказание приравнивалось к трусости, расхлябанности и осуждалось в обществе.

– Солта, – уже спокойно заговорил Шадид, – надо было сразу сказать об этом. Не в детские игры играем, а призваны родину защищать. Давайте тогда собирайтесь. У нас мало времени. Это не всё. Возьми с собой ещё нескольких товарищей на своё усмотрение. Так надо. Вам нужно проехать через леса ча-мохка³¹.

– Хорошо, как скажешь, Шадид. Я правда не знаю, что дада скажет...

– Я знаю, что Сурхо не откажет, – уверенно сказал Шадид и вышел.

Все направились во двор. С гор веяло прохладой, потому как снег лежал, будто солнца и нет, не говоря уже о вечных снегах выше. С равнины веяло чуть заметной теплотой. День был с самого утра солнечным и по всем приметам без осадков, но в любое время можно было ожидать дождя и даже снега. Небо было чистое, только в некоторых местах виднелись небольшие облака. Жрецы уже предсказали, что такая погода установится на несколько дней. Поэтому многие жители насторожились, ожидая бурных потоков рек, а на равнине – паводка.

Аул потихоньку просыпался. Залаяли собаки, замычали коровы, заблеяли овцы. Петухи то там, то здесь перекрикивали друг друга. Это был уже их второй выход – для тех, кто ещё не встал, а первые сигналы петухи подали чуть свет.

Некоторые воины из окружения Канташа уже готовились во дворе. Конь для горца имел огромное значение, и, ухаживая за ним, как за младенцем, все старались отличиться: у кого чище, у кого наряднее и так далее. Старшие строго следили за молодыми по уходу за конями

---

²⁹ Бессмертники – отряд специального, особого назначения.

³⁰ Волк (чеч.) – символ чеченского народа. Так называют настоящих мужчин, воинов. Основные черты, почитаемые народом в волке: сила, мудрость и свобода.

³¹ Ча-мохк (чеч.) – территория медведей.

и за собой, при необходимости давали дельные советы. Дисциплина была очень строгой, особенно в личной гвардии главы нахов. Это были отборные воины, в народе и в армии их называли бессмертниками.

В отряд могли попасть наилучшие из всех школ подготовки военных на всех землях нахского народа.

Воина-бессмертника можно было отличить по особой амуниции, которая надевалась поверх одежды и служила доспехами. Лучшие мастера гор должны были сшить доспехи отдельно для каждого. Материалом служили шкуры молодых телят особой выделки и сушки, которые затем превращались в подобие панциря³². Сверху надевалась лёгкая кольчуга, служившая дополнительной защитой от удара оружием. Даже без кольчуги одеяние из шкур защищало воина от удара сабли, меча или кинжала, которые просто отскакивали от этого доспеха, как от стали. Стрела тоже редко пробивала такой панцирь. Воин во время боя должен был вести себя таким образом, чтобы мог парировать удары. Этому служили особые приёмы гибкости и тактики во время боя с противником. Бессмертники могли обойтись абсолютно без потерь, за что и получили такое прозвище. Оружие – сабли, мечи и кинжалы – были особой закалки³³. Длинные мечи укорочены и превращены в кинжалы, а вместо меча начали изготавливать чуть согнутую саблю, более лёгкую и манёвренную в бою, в народе такую саблю называли терс – маймал³⁴. В те времена нахским оружейным мастерам во всём мире не было равных. Особые закалку и рисунок имели и наконечники стрел, что позволяло увеличить дальность полёта и ударную силу.

В любое время дня и ночи воин должен был быть готов к битве, к любому повороту событий, уметь маскироваться, вести бой с превосходящими силами противника и, самое главное, в случае ранения оказать моментальную врачебную помощь как себе, так и товарищам. Чтобы воин выжил при проходящих ранах, ему не следовало быть слишком сытым. Но так как голодный воин также имел мало шансов на длительность боя, то еда должна была быть очень питательной. Для этого у любого воина при себе имелся походный паёк: это сушёное мясо, предпочтительно конина; кусок солёного сала, в основном курдючного, из особых пород овец, и мешочек особой муки – цу³⁵. Изготавливали такую муку по особому рецепту – из кукурузы и диких груш. Предпочтение отдавали грушевой цу, а то и перемешивали с кукурузной. Сначала сырьё высушивали, затем жарили в специальных печах (кюрк), далее мололи. Небольшая горсточка такой пищи давала необходимую силу горцу как в бою, так и в длительных походах.

Военному искусству мальчиков учили с самого детства. Наряду с владением оружием и тактикой боя учили искусству врачевания (разбираться в целебных травах), охотиться (знать повадки всех зверей и птиц), лазать по отвесным скалам, плавать, ориентироваться ночью по звёздам. Особые знания получали по уходу за своим конём. Часто устраивались скачки, победителей всегда ждала хорошая награда. В скачках не только нужно было прийти первым, но и показать удалство, то есть джигитовку. На всём скаку джигит гнал скакуна на край пропасти и, не доезжая несколько шагов, резко мог развернуться и поскакать обратно. Небольшие пропасти лошади могли преодолеть спокойно. Но если пропасти были пошире, конь мог испугаться, поэтому ему завязывали глаза. Сверхособая и рискованная отвага. Высшей степенью удалства считалось на всём скаку из лука попасть точно в намеченную цель. Метать могли

³² По некоторым источникам, в последующем таким обмундированием стали пользоваться воины Чингисхана, переняв опыт нахских горцев.

³³ По сведениям историков, Древний Рим присылал своих мастеров, чтобы перенять опыт закалки оружия у нахов.

³⁴ Терс-маймал (чеч.) – дословно: ревушая обезьяна (терс – рёв, маймал – обезьяна). Считается, что клинкам «терс-маймал» был свойственен особый звон, свист, который они издавали при сильных взмахмах; в сражениях этот резкий звук был сравним в народе с рёвом обезьяны. Пронзительный крик обезьяны, способный влиять на психику, послужил поводом для оригинального названия клинка.

³⁵ Цу (чеч.) – мука, которую чеченцы делают до сих пор из кукурузы и диких груш.

и кинжалы, то есть брали за остриё клинок и бросали, в том числе и по движущейся цели, промах был исключён.

В каждом ауле был свой учитель, а то и не один. Учитель после определённого времени учёбы забирал детей и уходил в предгорье с густыми лесными зарослями и в горы. С собой брали только оружие, а остальное мальчишки должны были добывать сами, то есть еду как для себя, так и для коней. Особо отличившиеся парни в последующем могли претендовать на место в отряде бессмертников.

Самым главным и важным праздником было посвящение мальчика в мужчину. После обучения и по достижении пятнадцати лет подросток уже считался мужчиной и защитником очага, аула, страны. Всех, достигших этого возраста, собирали и официально вручали кинжалы. При получении такого оружия каждый должен был дать торжественную клятву верности долгу мужчины и воина. Праздновали этот обряд пышно, приносили в жертву какую-нибудь живность по возможности, начиная от домашней птицы и заканчивая быком. Все праздники у нахов – победа в бою, начало и конец посева, окончание сбора урожая и многие другие – сопровождалась ритуальными плясками во главе со жрецами. Церемония проходила таким образом, что и стар и млад собирались в круг и совершали быстрые, ритмичные движения языческого танца, выкрикивая священные слова богам, со всякими призывами и просьбами, тем самым прогоняя злых духов.

Кёри подошёл к Канташу. Он с молодой женой пока жил с родителями. Согласно обычаям, у нахов последним хранителем очага становился младший сын. Каждый, создавая семью, должен был обзавестись своим очагом. В основном это было делом родителей, особенно отца, в задачи которого входило создание таких условий. Но могли и братья договориться между собой, если у младшего появлялось желание жить отдельно. Родители в старости оставались у родного очага, и уход за ними становился обязанностью того, кто оставался с ними. При таком раскладе спорных вопросов по наследству у нахов не существовало³⁶.

Канташ внимательно выслушал брата, кивнул и подошёл к Шадиду.

– Шаид, отец дал добро ехать и нас обоих просит к себе.

– Ну пойдем, – ответил с чуть заметной улыбкой Шаид.

Они пошли к Сурхо. Тот стоял с жителями аула и о чём-то, жестикулируя, разговаривал. Видно, беседа была серьёзная.

Шаид остановился. Прерывать Сурхо было решительно нельзя, надо подождать, пока он сам их не увидит.

– Что делать-то, Канташ? Время-то идёт, – тихо произнёс Шаид.

– Давай ждть, думаю, он нас заметит, а может, уже заметил. Это не какие-то переговоры.

Он просто беседует.

Не успел Шаид и слова произнести, как Сурхо резко закончил разговор, повернулся и подошёл к ним.

– Ну что, я думаю, вы готовы?

– Доброе утро, Сурхо, – поздоровался Шаид.

– Доброе утро, доброе... – ответил Сурхо.

– Да, конечно, мы всегда готовы. Ждём твоего распоряжения. С Канташем поедет несколько человек. Дорога хоть и близкая, но нелёгкая, – сказал Шаид и посмотрел на Канташа, который молчал, хотя и должен был докладывать.

– Это хорошо, я в вас не сомневаюсь. Шаид, хочу попросить тебя поехать с ними, – Сурхо замолчал, собираясь с мыслями.

– Но я...

³⁶ Данный обычай у нахов (нохчи) соблюдается до сих пор.

– Никаких «но», это уже решено, – перебил он Шадида, – с нами останется Муслу. Меня известили, что туда держит путь и аккинский³⁷ предводитель Алимбек из Газар-Гала³⁸. Канташ, ты передашь ему моё приветственное послание и скакуна в подарок от меня.

– Хорошо, отец.

– Ты иди, собирайся в дорогу, а я с Шаидом переговорю.

Канташ быстро развернулся и пошёл выполнять поручение. Тем временем Сурхо немного отвёл в сторону Шадида, взял его за локоть и стал говорить.

– Шаид, Канташ ещё молодой, но, как понимаешь, уже пора его женить. Алет – говорят, хорошая партия для нас. Молодые друг друга хорошо знают, и мать³⁹ его довольна таким союзом. Но тут есть одно обстоятельство: её отец – аккинец Тута, ближайший родственник Алимбека. Хотя мать моих детей тоже аккинка, но договориться с ними о родстве очень трудно. Конечно, мы – один народ, одна семья, но без некоторых противостояний не обходится. Мне с огромным трудом удаётся сохранять единство нашего народа. Ты сам свидетель, я иногда становлюсь судьёй между противоборствующими сторонами, даже между родными братьями. Очень сложно находить общее согласие, но надо, иначе наши враги нас уничтожат или всех превратят в рабов. Так слушай. Там ты должен от моего имени встретиться с Алимбеком и передать ему пожелания. Так и скажи, что я хочу с ними породниться. У наших детей появилось сильное желание укрепить дополнительно наше родство, и мы должны им в этом помочь. Пусть затем переговорит с Тутой сам. Думаю, что слово Алимбека для него будет важным звеном в принятии решения в нашу пользу. Привезёшь мне ответ, чтобы я мог немедленно послать сватов. Всё понял?

– Да, конечно, Сурхо. Это очень ответственное поручение, а справлюсь ли я? Я никогда не участвовал в таких важных переговорах, – в растерянности заявил Шаид, действительно не зная, как ему быть.

– У тебя получится, я знаю, – окончательное поставил точку Сурхо, как будто прочитал его мысли. – Можете ехать, счастливого пути. Обратное поедете завтра, сегодня не успеете. Ночи тёмные, и не надо рисковать.

Сурхо развернулся и опять пошёл к людям, собравшимся увидеться с ним.

Шаид стоял растерянный. Тем не менее приказ получен, и его надо выполнять. «Всему надо в этой жизни учиться», – подумал он и пошёл готовиться в путь.

Желающих ехать было много, но Канташ выбрал лишь десять человек. Подошёл Шаид и попросил Канташа взять ещё пятерых. Вскоре они тронулись в путь.

---

³⁷ Аккинцы (чеч.) – тукхум, тайп; этническое сословие нахов (чеченцев).

³⁸ Газар-Гала (Газар-Гала) – город аккинцев; полностью разрушен во время нашествия предводителя Арабского Халифата Марвана в XVIII в.

³⁹ У чеченцев и ингушей не принято говорить «моя жена», «супруга» и т. д., а также не принято супругам называть друг друга по имени.

Глава 3

Хазарский каганат

*Есть вещи и хуже войны: трусость хуже,
предательство хуже, эгоизм хуже.*

Эрнест Хемингуэй

Столица Хазарии Семендер⁴⁰ – город изумительной красоты – находилась на пересечении торгового пути и являлась крупным торговым центром того времени, богатым своим убранством, садами, виноградниками.

Все караваны направлялись на Ближний Восток только через Семендер. Хотя и считалось, что город расположен на берегу реки Терек, он находился чуть поодаль от реки. При строительстве были предусмотрены все рычаги для защиты от вторжения врага. От столицы вплоть до реки Терек был проложен подземный тоннель, и не один. Сам город был защищён специальными шлюзами. Шлюзы были установлены и на берегу Терека. Подземный ход как раз имел к ним доступ. В случае приближения противника шлюзы открывались, и огромный поток воды затоплял всю территорию на подступах к городу. Ни пехота, ни тем более конница не могли даже приблизиться к городу, так как застревали в земляной жиже.

Столица обнесена высокими глинобитными стенами. Внутри располагался огромный рынок, куда стекались люди со всего Кавказа, Азии, Ближнего Востока, Европы – в общем, со всех концов света. Рынок – это особое место в городе, которое представляет собой большой майдан. Огромные плотные торговые ряды – продовольственные, вещевые – и скотный двор.

В конце рынка находилась площадка, где проходили невольничьи торги. Прежде чем выставлять на продажу, рабов тщательно готовили: откармливали, мыли и облачали в лёгкую одежду, чтобы все части тела выделялись отчётливо, особенно при торговле женщинами, чаще молодыми девушками. Происходила и продажа детей. Когда хазары узнали, что в арабских странах за евнухов дают высокую цену, начали готовить таких мальчиков. Если по какой-либо причине рабы не продавались, в том числе и дети, по некоторым религиозным праздникам их приносили в жертву.

Место для стоянки и отдыха купцов со своими караванами представляло собой огромный гостиный двор и по приказу кагана строго охранялось. Обидеть или обворовать купца считалось преступлением. Здесь же купцы нанимали охрану для сопровождения караванов в любую сторону, особенно на Восток и в Азию. Предпочтение всегда отдавалось нахам. По мнению почти всех купцов, нахи считались самой надёжной охраной, ибо все знали, что если нахи сопровождают груз, то он будет доставлен до места назначения без приключений. Если и происходили нападения со стороны разбойников, то они были обречены на провал. Нахские отряды сопровождения караванов по договорённости между собой менялись в определённых местах торгового пути – это районы Оьринбёрга⁴¹, Семендера и Дербента.

Жилая часть города была густонаселённой, тут можно было услышать говор разных народов. При въезде в глубь города дорога становилась широкой и переходила в тракт, в конце находилась хорошо укреплённая и охраняемая резиденция кагана с высокими стенами и огромными воротами, которые могло открыть только несколько человек. С правой стороны резиденции возвышалось строение не меньше, чем у кагана, принадлежавшее беку. Постройки

---

⁴⁰ Семендер – примерное нахождение: ныне территория Шелковского района, с. Шелкозаводск Чеченской Республики.

⁴¹ Оьринбёрг (чеч.) – «котлован», «место котлована». Есть версия, что от этого слова происходит название нынешнего города Оренбург.

вокруг резиденции представляли собой казармы, конюшни и дома огромной свиты придворных и военачальников.

Каган вставал всегда рано, с криком первых петухов. Тут же в движение приходила вся прислуга, а также многочисленные жёны и наложницы. Предпочтение по уходу за каганом кроме слуг с утра отдавалось именно молодым жёнам и наложницам. После всех церемоний подавался завтрак, и несколько слуг в присутствии охраны и доверенных лиц пробовали каждое поданное блюдо и напитки. Каган и даже бек боялись покушения на их жизнь. После трапезы в сопровождении всей свиты каган проходил в огромный зал, где в конце на высоте пяти ступенек находился трон.

Когда Джебу-каган усаживался, кроме личной охраны и доверенных лиц, все покидали зал. Каждый чиновник – министры, военачальники – начинал свой доклад по вопросам государственных дел каганата. Всем необходимо было стоять. Сесть поодаль во время официального приёма разрешалось только старшей жене – матери сына Шада.

Со временем власть бека в каганате стала укрепляться. Это стало поводом, что рядом с каганом стал садиться и бек.

Шад был уже полководцем, участвовал в нескольких сражениях и военных походах. Показал себя отличным воином и стратегом. Джебу-каган гордился сыном и всегда прислушивался к его мнению в решении разных вопросов.

Бек Булан относился к такому положению дел с толикой ревности, так как считался вторым лицом в каганате. В его обязанности входила оборона, хотя командование войсками каган доверил сыну. В каганате с ним считались как с царём. Более того, каган часто уединялся с сыном, и их секреты беку были неизвестны, что служило дополнительным поводом для его волнения и ревности.

Шад был не согласен с тем, что по титулу бек чуть ли не выше самого кагана. Тем более что на его глазах авторитет и роль Булана на политической арене государства росли.

Выслушав все доклады, Джебу-каган отдал распоряжения некоторым министрам и махнул рукой. Это означало, что все должны покинуть зал, кроме Булана и Шада.

– Булан, что там в горах? Какие новости? Говорят, какая – то суета среди алан... – Каган задержал свой пристальный взгляд на беке.

– Великий Джебу-каган, какая бы суета ни была, всё под твоей властью, – с лестью, чтобы немного смягчить нрав кагана, ответил бек. – Сурхо, говорят, собирается женить сына. Ещё скоро намечается заседание Мехк-кхела, на котором собираются обсудить какой-то важный вопрос.

– Какой важный вопрос? Почему мы не знаем об этом? Надеюсь, тебе, как соплеменнику, они доверяют?

– Думаю, да. Узнаем, день-другой – и узнаем, Великий, – спокойно ответил Булан. Ему хотелось показать себя более осведомлённым перед каганом, тем более в присутствии Шада.

– Сын Сурхо ещё служит у тебя?

– Конечно. Он отличный воин, но молчалив. Из него ничего невозможно вытянуть. У меня другие осведомители, – как бы хвастаясь, ответил бек.

– Может, у Сурхо обида на нас, что сын погиб в походе?

– Не думаю, – ответил бек, – ни один воин от этого не застрахован. Сурхо сам воин и, уверен, понимает это.

– Я тогда просил щедро одарить родителей...

– Да-да, Великий, мы всё сделали тогда. Сурхо сам не принял дары, мы отдали их Дадашу, – ответил бек, – но потом я слышал, что Сурхо приказал раздать всё бедным и сиротам.

– Благородно. Ну а ты что скажешь, Шад?

– Да, Великий, скажу, – Шад вмиг собрался с мыслями. – Мы же живём в мире с нахами, особенно с равнинными. Почти вся наша армия состоит из нахов. Булан пользуется среди них

огромным авторитетом, они ему доверяют как сородичу. Всех тукхумов и тайпов устраивает этот мир. По сути, мы – одно государство, только вот нашхи, дишни, аккинцы, мялхи, гІалгІай⁴², адыги, осетины и многие другие – всех перечислять не буду – считают себя отдельным Аланским государством. Я имею в виду горную часть. Они с нами торгуют, как соседи живут в мире, очень много их воинов, особенно нахов, в рядах нашей армии охотно участвует в походах. Один Дадаш чего стоит: отличный воин, стратег, пользуется огромным уважением в армии.

Но тем не менее многие нахи считают себя хозяевами Кавказа, и их земли простираются вплоть до реки Московы⁴³. Вот они и наводят смуту.

– Они что, думают, потеряли этим славу? – раздражённо спросил каган.

– Вроде так. Сейчас камнем преткновения служит вера. Кто-то с нами, кому-то по душе христиане, особенно аккинцам, гІалгІай и осетинам. Некоторые, в том числе и Сурхо, склоняются к мусульманам... – Шад замолчал.

– Хотел бы добавить, – вмешался бек в разговор, – если можно.

– Говори, – приподнял палец в знак одобрения каган.

– Я пытался поговорить с Дадашем о вопросах веры, но он отмалчивается. Слышал, что они с Сурхо много спорят. Сурхо решительно против нашей веры. Они-то язычники, но некоторые нахи начали определяться с единобожием. В каганате этих проповедников со всех концов света много, пока мы их не трогаем. Сам Сурхо почему-то молчит, не знает, видимо, что делать. Аккинцы, осетины и часть гІалгІай начали исповедовать христианство, как сказал Шад. Я подозреваю, что Сурхо пришлось по нраву мусульманство. Он уже имел тайную беседу с арабом, который находится здесь со своим караваном. Он торговец, и неплохой. Сейчас арабский купец проповедует ислам, это вероучение на востоке ещё не укрепилось окончательно. Там идут нескончаемые военные столкновения между племенами. Тем не менее Мухаммед *(да благословит его Аллах и приветствует)* как новый Пророк с трудом, но укрепляет свои позиции.

Каган опять поднял палец, в знак того, чтобы все замолчали. В зале воцарилась тишина. Помолчав, обдумывая какое-то решение, он начал тихо говорить:

– Мы не можем этому помешать. Было бы хорошо, если бы они были с нами одной веры. Тем более что основная масса на равнине, особенно те, кто в армии, придерживается нашей веры. Так?

– Да, так, – ответил бек.

– Надо узнать, что там с женитьбой, и посетить Магас или Нашха, где они будут играть свадьбу. Это я поручаю тебе, бек. Одарите хорошо Сурхо и его сына, в том числе и рабами. Девушек выберите самых красивых.

Каган замолчал и снова о чём-то задумался. Поглаживая бородку, он смотрел в одну точку на полу. Опять поднял палец, обозначая внимание присутствующих. Булан и Шад были полностью сосредоточены на том, что скажет сейчас каган.

– Тебе, Шад, так как ты в дружеских отношениях с Дадашем, поручение. – Каган опять замолчал и, недолго подумав, продолжил: – Тебе надо попасть на эту свадьбу. Пить и веселиться они любят, там и узнаешь, что затеял Сурхо. Надеюсь, что совет состоится до свадьбы. Если они что-то против нас замышляют, мы немедленно примем меры.

– Я понял, отец. Будет исполнено, – решительно заявил Шад. – Думаю, мы узнаем об их планах до того, как они исполнят задуманное. Осведомители работают хорошо, мы их одариваем, повышаем чином. Только вот с горными аккинцами немного сложнее, они явно к нам недружелюбны. Да они и внутри своего государства стараются жить более самостоятельно.

⁴² ГІалгІай (чеч.) – чеченское название ингушей.

⁴³ Река Московы – Москва-река.

Сурхо в родстве с ними, его жена аккинских кровей. Теперь и сын хочет с ними породниться. Такая причина немного сдерживает их, чтобы не поругаться между собой.

– Да-да, это хорошо, что осведомителей много, – перебил его каган. – Надо им помочь в раздорах. Ясно?

– Да, конечно. Это хорошая мысль, отец.

– Можно я скажу? – бек опять попросил слова.

– Говори, Булан! – Каган посмотрел на бека.

– Великий Джебу-каган, ты владыка могущественного государства, которое простирается между двумя морями, – как обычно с лести начал бек. – По твоему поручению укрепление нашего государства идёт так, как ты и задумал. С северными областями, которые ранее принадлежали аланам, вопросов не возникает. Они добровольно передали нам правление. Все народности по всей территории обложены данью. Кое – какие трудности у нас южнее. Особенно хочу сказать о Сарире⁴⁴. Я и ранее докладывал, но сейчас хочу остановиться на некоторых подробностях, если вам угодно, Великий.

– Говори! – повелел каган, который внимательно слушал.

– Так вот, – продолжил бек, – сейчас возглавляет Сарир авараншах Бахрам Гур...

– Я это знаю, дальше, – перебил его каган.

Булан немного растерялся от неожиданности. Обычно каган никогда не прерывал его, и беку было непонятно такое его поведение. «Не Шада ли это работа?» – подумал он.

Каган заметил, что бек в растерянности, и добавил, как бы успокаивая его:

– Не волнуйся, ты был в отъезде, когда я посылал к нему посла. Мы не успели тебя поставить в известность. Я тебя слушаю.

– Да, понимаю, – продолжил Булан, – я не знал, и Шад мне ничего не сказал, – уже с какой-то скрытой злостью вымолвил бек. Так впросак он ещё не попадал.

– Продолжай, слушаю тебя внимательно, – повторил каган.

– Я узнал из своих источников, что авараншаха Бахрам Гур послал в Сарир с назначением шах Персии Хосров Ануширван, хотя сейчас его уже нет. Сейчас на престол Персии возведён его малолетний потомок Йездигерд III. Тем не менее Бахрам Гур – правитель Сарира. Он готов жить с нами в мире, но не в составе каганата, как многие нахи.

На миг воцарилась тишина. Каган беглым взглядом смотрел то на Шада, то на Булана, видимо, собираясь с мыслями.

Наконец после некоторой паузы каган продолжил:

– Я не сомневаюсь в том, что со временем мы объединим все племена в одно наше государство. Хазария для всех станет родиной. Для этого нам сейчас надо проводить политику мира с нахами, они сильны, и их большинство на Кавказе. Пока это родство будем строить с теми, кто на равнине, а с горцами – по их желанию. Ни Сарир, ни тем более Аланию трогать не будем. Власть и деньги – не последний, а даже самый главный рычаг управления. Надо нахов выдвигать по службе, увеличивать жалованье и после каждого похода одаривать хорошо, особенно отличившихся. Приглашать в армию горцев. Дадаш ведь служит, и неплохо. Пусть ему и ему подобным завидуют. Такое объединение нахов сделает нашу страну сильной державой. В этом у меня, да и у вас, я думаю, нет сомнений. Булан, это задание я возлагаю на тебя, так как ты лучше знаешь свой народ. Более того, тебя уважают, тебе доверяют, вот и действуй. Лучше тебя с этой задачей никто не справится.

– Будет сделано, великий каган. Спасибо за доверие, – ответил Булан.

После сказанного каган сделал еле заметный жест рукой, вернее, кистью руки – и Шад и Булан покинули зал.

⁴⁴ Сарир – аварское государство на Северном Кавказе.

За массивной дверью в ожидании приёма стояло бесчисленное множество послов, купцов и прочего люда со всех концов света. Многие – с дорогими подарками от своих властелинов. Каган лично принимал жителей страны по разным вопросам, особенно спорным. Решение, каким бы оно ни было, считалось окончательным. В покоях появились многочисленная прислуга и рабы. Каган к принятию просителей готовился тщательно, чтобы всё сверкало и блестело. Великолепие убранства и красота должны были произвести огромное впечатление на гостей.

Глава 4

Дорогой гость

*На Кавказе существуют три самые важные традиции!
Первая традиция – не предавать,
вторая – чтить предков и родителей,
третья – уважать женщин и гостей.*

Олхазар вернулся домой радостный, забежал в саклю и не увидел жены. Поняв, где она может быть, направился в сторону хлева. А там уже все работы по хозяйству были выполнены, в основном невесткой, Ровзан помогала и отдавала кое-какие распоряжения.

– Что ты мешаешь невестке работать? Она сама знает, что делать, а ты лезешь и мешаешь ей.

– Как мешаю? Что они, молодые, без нас могут? – возмутилась Ровзан. – Тебе легко говорить. С раннего утра гуляешь, слухи по аулу собираешь. Лучше помог бы.

– Молчи, женщина, а то разговорилась! Лучше послушай, какую новость я тебе принёс.

– Какую?

– Вечером к нам придёт Сурхо, надо готовиться.

– Ой, что ты говоришь? Правда? – взволновалась Ровзан. – А Эски дома нет, на охоту пошёл. Вот, говорила ему, может, завтра, – нет, говорит, обещал друзьям. Я не стала перечить. Ну да ладно, к вечеру-то он вернётся, наверное. Не один ведь пошёл, а с друзьями.

Эски был единственным сыном в семье, и все за него переживали. После четырёх дочерей родился долгожданный мальчик. Женили недавно, свадьбу гуляли всем аулом. Хотя Эски был крепким парнем и мог бы претендовать на место в отряде бессмертников, от такой воинской чести по обычаю был освобождён как единственный наследник. Любая его отлучка, особенно на охоту, сильно волновала Олхазара. Эски это понимал и о своих планах всегда докладывал матери. Отец мог до его приезда домой только ждать с нетерпением. Решения же о поездках в другой аул или город (особенно с ночёвкой) Эски мог принимать только с согласия отца.

– Его уж точно ждать не будем. Надо готовиться сейчас. Я зарезу гусей.

– Не волнуйся ты так, – стала успокаивать мужа Ровзан, – товарищи с ним верные, своё дело знают, так что будем надеяться на хорошее. Он знает, что его друг Канташ приехал, но раз у них было заранее всё обговорено, то не стал слово нарушать. Обещал, что вернётся рано. А за дорогого гостя не волнуйся. Краснеть тебе точно не придётся.

– В этом я не сомневаюсь.

К вечеру немного стало пасмурно. Солнце еле заметно начало садиться, когда Эски вернулся с охоты.

– Нана, мы вернулись, – с порога окликнул он мать.

– Вот и славно, – с радостью встретила его Ровзан, – а то отец твой места себе не находит, всё ходит из угла в угол. То на горку поднимется, то спустится, всё вас выглядывает.

– А что так переживать, словно я ребёнок? Мне перед друзьями иногда неудобно становится.

– Эх, сынок, сейчас ты этого не поймёшь, вот когда вырастут у тебя свои, тогда ты вспомнишь нас.

– Да хватит тебе, нана, ты всё время об этом говоришь. А где дада?

– Не знаю. Недавно был здесь. Ты же не знаешь ничего, к нам вечером в гости собирается Сурхо, так он и суетится.

– Серьёзно? Это хорошая новость, – обрадовался Эски. – Пойду, поищу его. Кстати и Канташа увижу, а то давно не виделись.

– Вряд ли. Ещё утром он с матерью и друзьями отправился к её родственникам.

– У него теперь много друзей, – с обидой заметил Эски. – Это он с Алет увидаться поехал, я так полагаю.

– Полагаешь или не полагаешь, что теперь об этом говорить. Значит, так надо было. Может, Сурхо послал на какое-то важное задание. Ты же об этом не знаешь? – начала успокаивать сына Ровзан. – Иди лучше отца своего поищи и готовься встретить гостя, а может быть, и гостей.

– Да, кстати, нана, мы косулю забили. Я вот свою долю принёс.

– Ну и славно, иди, сынок.

Выйдя из дома, Эски увидел отца, сидевшего во дворе.

К вечеру опять становилось прохладно. С гор дул холодный ветерок. Увидев печального отца, он пожалел его. С виноватым видом Эски подошёл.

– Добрый день, дада. Я вот с охоты вернулся, мяса принёс немного, – начал оправдываться Эски. – Я предупредил нану...

– В следующий раз не забудь, что в этом доме обо всём предупреждать надо меня. И запомни: хорошего коня один раз кнутом бьют, поэтому к этой теме мы больше не должны возвращаться.

– Хорошо, дада, я понял. Больше это не повторится.

– Скоро к нам придёт Сурхо, помоги женщинам подготовиться. Если нужна будет помощь, позови друзей или родственников⁴⁵. Может, Сурхо будет не один.

– Хорошо, дада, не волнуйся. Не подведём. Сколько бы гостей ни было, встретим достойно.

– Иди, готовься.

– Дада, а тебе не холодно? Нана говорит, что ты давно во дворе. Может, зайдёшь в дом? – проявил заботу Эски.

– Нет, не холодно, иди уже.

Скрыть от жителей аула, что Сурхо в гостях у Олхазара, конечно, не удалось. Когда он пришёл, справился о здоровье у домочадцев и все уселись, то подошли старшие из ближайших родственников Олхазара – поприветствовать дорогого гостя. Другие зайти не решились из почтительности, чтобы не мешать старшим. Многие подходили, спрашивали, мол, не нужна ли какая помощь. При получении ответа, что всё нормально, с благодарностями уходили. Родственники из числа младших остались и ждали на всякий случай, чтобы при необходимости оказать нужную помощь.

Пришлось много отвечать на вопросы: что творится вокруг и какая обстановка вдали от родных гор. Сурхо сдержанно старался удовлетворить интерес каждого. Было много вопросов о вере, об отношениях между Аланией и Хазарией и, конечно, о роли нахов в таких условиях. После долгих бесед и плотного ужина гости решили разойтись. Каждый из сидящих знал о близкой дружбе Сурхо и Олхазара, поэтому, понимая, что между ними могут быть свои разговоры, попросив прощения, оставили их одних. Олхазар вышел, проводил всех и вернулся обратно. Сурхо сидел в большой задумчивости.

– Ну, друг, мы теперь спокойно можем поговорить, – с облегчением произнёс Олхазар и сел напротив Сурхо.

– Да уж, всем интересно, что творится в мире. Народ, я чувствую, устал от напряжения, от войн, – начал Сурхо. – Я вот что хотел сказать, друг. Я доверяю лишь тебе, ты только не обижайся. В основном обо всём, что мы обсуждаем на сходах, если даже собеседников было не более трёх человек, знают как в стенах Магаса, так и в стенах Семендера. Я иногда удивляюсь: где только у них нет глаз и ушей! Поэтому говорю осторожно и сдержанно, а то и вовсе молчу.

---

⁴⁵ По обычаям нахов, за столом знатных гостей обслуживают молодые люди.

Честно тебе скажу, что, пока меня не избрали мехк-да, я бы в это и не поверил, если бы кто мне рассказал. Даже, может быть, и обиделся бы, что наговаривают на мой народ, а вот видишь, на самом деле как получается...

– Да, вот ты об этом говоришь, и я удивляюсь, – ответил Олхазар, – действительно надо быть осторожным. Ты хотел мне что-то сказать, друг. Дело важное, я так полагаю?

– Да. Я долго думал и решил, что пора созвать Мехк-кхел. Об этом я на днях разговаривал с Сайради, надеюсь убедить Алимбека и всех остальных предводителей тукхумов и тайпов. Пока все, с кем говорил, согласны.

– А о чём идёт речь, Сурхо? Ведь чтобы созвать Мехк – к хел для обсуждения целым народом, нужно иметь серьёзный повод. Война надвигается, что ли?

– Нет, что ты, как раз в этом направлении всё пока спокойно, и я думаю, что этим спокойствием нам надо воспользоваться, – ответил Сурхо, поглаживая небольшую бороду.

– Так не томи, о чём идёт разговор, раз всё так серьёзно?

– Послушай, помнишь, утром я сказал тебе, что встречался с арабом? Затем я был в горах у андийцев, и там мы тоже обсуждали это дело. Так вот, речь идёт о вопросах веры и о новом Пророке Мухаммеде (*да благословит его Аллах и приветствует*). Когда я послушал основные постулаты, которые он проповедует, и сравнил... это точь-в-точь наши обычаи. Нам надо определиться.

– Я тебе уже говорил: зачем нам чужая вера, когда у нас есть своя? – не унимался Олхазар.

– Послушай ещё раз, кроме тебя, меня никто не поймёт.

– Слушаю тебя внимательно, Сурхо, ты же знаешь, что я всегда был и есть опора тебе во всём, и все мои тоже пойдут за тобой.

– Сейчас наш народ портится на глазах, и все это видят. Поэтому надо срочно принять какие-то меры. Знаешь, почему так происходит? Так вот отвечу: это всё из-за вероучений, – Сурхо на миг остановился. – Я долго над этим думал, – продолжил он. – Мы как народ разобщены, и этого допускать нельзя, если хотим в будущем сохранить себя. Мы язычники, некоторые уже стали христианами, другие исповедуют иудаизм, малая часть, из тех, кто проживает в Сарире, приняли новое мусульманское вероучение – Пророка Мухаммеда (*да благословит его Аллах и приветствует*). Я думаю, что срочно надо созвать Мехк-кхел и решить вопрос о направлении делегации к Мухаммеду (*да благословит его Аллах и приветствует*). Раз он посланник от одного-единственного Бога, то мы его послушаем и примем решение. Более того, скажу, что этому Мухаммеду (*да благословит его Аллах и приветствует*) сейчас там очень тяжело, ведь многие племена, в том числе и одного с ним тайпа, против него. Между ними сейчас идут постоянные войны. Хотя, говорят, он немного укрепил свои позиции: там есть племена, которые принимают новую веру и переходят на его сторону. Тем не менее врагов у него много, и я подумал, не поехать ли нам к нему на помощь. Если он действительно посланник Бога и новый Пророк, на месте мы об этом узнаем и поможем ему одолеть врагов. Там и определимся, принять нам или нет новую веру.

– Вот это новость, – удивился Олхазар. – Это в такую даль?! Сколько же туда пути и сколько стран надо пройти? Христианами здесь становятся многие, и не надо никуда ехать, они тоже верят в единого Бога. Так зачем нам ислам? Тем более идти в такую даль. Поверь, путь туда не лёгкий, и пробиваться надо будет с боями. Везде разбойники. Вон, посмотри и послушай, что рассказывают купцы в Семендере, а они уж точно всё видят и испытывают на своих плечах. Более того, рассказывают и наши соплеменники, которые сопровождают эти караваны. Вон сын Эспи Таташ возглавляет такую группу...

– Ты не понимаешь меня, друг? – перебил его Сурхо. – Я когда послушал, то понял, что эта вера нам подходит. Как раз для нашего народа. Как будто Бог посмотрел на нас, нашу жизнь, решил создать новую веру и послал к людям нового Пророка. А то, что купцы рассказывают, поверь, я всё это знаю. Я не собираюсь туда ехать с десятком человек. Путь нелёгкий, и многих

товарищей, может быть, придётся в дороге похоронить. Я весь план составил в уме и верю, что на правильном пути, чтобы сохранить наш народ от раскола. Более того, эта вера запрещает употреблять хмельное. Ты же видишь, что очень много людей, особенно молодёжь, этим стали грешить. В пьяном угаре происходят ссоры, а то и убийства. Я так полагаю, что если нам удастся изгнать эту заразу, то мы добьёмся, что наш народ станет достойным и добродетельным, в пример многим.

– Ну, раз ты так решил, зачем меня мучаешь? Ты же знаешь, что я всегда с тобой, но одно скажу: хмельные напитки убрать из жизни будет сложно. Ведь ни один праздник без этого не обходится. Да, многие не умеют себя вести достойно после возлияний. Мы старики – и то нет-нет, да и иногда пропустим. И сегодня Ровзан хотела на стол нам поставить... но я вспомнил, какой ты противник этому, и решил посидеть в трезвости.

– Правильно сделал, я бы не притронулся. Что ты верный друг и поддержишь меня, я не сомневался. Мне нужна будет именно твоя помощь, Олхазар, чтобы убеждать людей. Посольство по доброй воле мы должны собрать не менее чем из двух-трёх сотен людей, в том числе пойдут и бессмертники. Я, если доверят, возглавлю паломников.

– А кому, если не тебе? Ты придумал, тебе и отвечать за исход дела. То есть мы, если всё у нас получится, будем первопроходцами? Да, – сам ответил на свой вопрос Олхазар. – Возьмёшь меня с собой?

– Да что ты говоришь? Ты будешь рядом со мной, – с удивлением ответил Сурхо. – Если не захочешь, настаивать не буду. Пойдут только добровольцы.

– Не сомневайся, что бы ни случилось, я первый твой доброволец. Тем более что увидеть своими глазами посланника всех богов – это кому сказать, сам станешь святым жрецом.

– Не богов, а одного-единственного Бога, – поправил его друг.

– Ты говоришь так, как будто уже стал мусульманином, – с иронией заметил Олхазар. – Погоди уж с выводами. Поживём – увидим. А когда собираешься созвать Мехк-кхел?

– Осталось дожидаться ответа от Алимбека. С другими старшими тайпов я уже поговорил, в том числе и с Сайради. Не все, конечно, но большинство меня поддерживает. Канташа с матерью я послал в Итон-Кхаьл, и с ним поехали его друзья из отряда. Шадида тоже послал с заданием, завтра надеюсь получить ответ. Там же они решат вопрос о помолвке Канташа с дочерью Туты. Предстоит совместить два этих события: свадьбу Канташа и заседание Мехк-кхела.

– Вот это ты здорово придумал. Я полностью это поддерживаю, хотя не знаю, правильно это или нет. Пусть недруги думают, что мы свадьбу играем, хотя вряд ли тут что скроешь.

– Это уже как получится, я и не буду стараться что-то скрыть, – ответил Сурхо, – хотя знаю точно, что противников нашей задумки будет немало.

– А кого думаешь оставить здесь вместо себя?

– Канташа: хоть он и молод, но до нашего приезда оттуда, полагаю, справится. Он, конечно, пока ничего не знает и будет всячески стараться быть рядом со мной. Хочу, чтобы он остался дома, тем более после свадьбы. Как ты и сказал, путь нелёгкий.

– Вряд ли Канташ тебя послушается.

– Мои приказы не обсуждаются.

– Я это понимаю, – не унимался Олхазар, – но его тоже надо понять. Парню будет ясно, что ты его специально дома оставил, как молодожёна. А перед друзьями ему каково будет? Так что прошу тебя: не торопись с решением.

– Хорошо, этот вопрос мы оставим на потом. Спасибо тебе за приём, я, пожалуй, пойду. Поздно уже, я и так засиделся у тебя. – Сурхо встал и направился к выходу.

– Да что ты говоришь, засиделся, – ехидно повторил за Сурхо Олхазар, – сколько мы не виделись, я даже не помню. Посидим ещё.

– Извини, друг, надо идти, отдохну немного.

– Так бы и сказал, что хочешь отдохнуть. А нас не надо жалеть, сам видишь, как все рады твоему приходу.

– Конечно, вижу. Спасибо тебе, друг, и я рад всех видеть в добром здравии.

Действительно, никто не спал, пока дорогой гость был в доме. Он всех поблагодарил за хороший приём и вышел наружу в сопровождении домочадцев. Охрана стояла в ожидании, как и полагается, во дворе. Сурхо посмотрел на небо, звёзд почти не было видно.

– Друг, никак погода собирается испортиться?

– Можешь не волноваться, будет пасмурно, и только. Ни дождя, ни снега не будет, – ответил Олхазар, поняв, что друг волнуется о своих родных, отправившихся в Итон-Кхаьл.

Глава 5

Поездка в гости

*Один не разберёт, чем пахнут розы,
Другой из горьких трав добудет мёд...
Кому-то мелочь дашь – навек запомнит...
Кому-то жизнь отдашь, а он и не поймёт...*

Омар Хайям

Дорога в Итон-Кхаъл была не из простых. Прорбитая в отвесных скалах горная тропа давала возможность только в отдельных местах разойтись с путником, который шёл навстречу, или обозом торговцев, которые имели непрерывную связь с равнинными поселениями, где постоянно шла бурная торговля. Один неосторожный шаг по такой тропе – и человек мог полететь в бездну пропасти, в бурные объятия реки. Как правило, несчастного или группу несчастных так и не находили. Горная река своим быстрым потоком уносила всё, что попадало в её пучину, далеко вниз по течению. Всё, что реке удавалось унести, в последующем на равнинной части превращалось в одно месиво грязи, глины, всяких растений.

Для местного населения все эти тропы были родными. Поведение самой природы чуть ли не на каждый день и случай было известно. Горцы хорошо изучили погодные изменения, повадки зверей, приближение стихийных бедствий. В основном этим занимались жрецы, которые предупреждали людей. Они делали предсказания, они же занимались и лечением людей и животных, предугадывали судьбу по звёздам. Без их участия не проходило ни одно событие в стране, от расторжения брака до погребения усопших. Жрец был святым человеком, представителем богов. Когда он приходил в город или деревню, его надо было обязательно накормить и, если необходимо, приютить. Не только простые горцы, но и верховные вожди, предводители тукхумов, тайпов и сам царь были под влиянием жрецов. До тонкостей зная свою работу, они постоянно совершенствовали эту науку. Жрецы имелись почти в любой местности, при войсковых соединениях и, конечно, обязательно при паччахье.

При Сурхо постоянно находился жрец Чика. Дорога была опасная. Это обстоятельство не могло не волновать Сурхо. Зная крутой нрав Канташа, он постоянно держал его при себе и никуда одного не пускал. В таких обстоятельствах большая надежда у Сурхо была на опытного и проверенного Шадида. Однако для предосторожности и успокоения собственной души он отправил с ними и Чика.

...Путники уверенно продвигались по горным тропам. Перед глазами был вид неопиcуемой красоты: лесистые, покрытые вечными снегами горы Кавказа. Чем выше подъём в горы, тем всё холоднее становилось. Чувствовалось, что сама природа сопротивляется здесь весеннему теплу, в отличие от равнины, где весна почти вступила в свои права. Хвойные деревья были вечнозелёные, остальная растительность стояла без листвы, почти голая, и казалось, что здесь всё вымерло.

– Чика, слышишь меня? – окликнул Канташ жреца.

– Да, конечно, я здесь. Что-то волнует тебя, сынок? – с отцовской заботой поинтересовался Чика.

– Становится пасмурно, не испортится ли погода? Уже за полдень. Может быть, сделаем привал? – спросил Канташ.

– Можешь не волноваться, два-три дня небо будет хмуриться, – ответил Чика уверенно. – А насчёт привала ты прав, но решать тебе.

– А что ты думаешь, Шаид?

– Думаю, небольшой привал нам не помешает, нужно немного отдохнуть и подкрепиться. За тем поворотом площадка для стоянки, горный ручей, там и остановимся ненадолго, – решил Шахид.

– Нана не согласится на привал.

– Думаю, она поймёт. Давайте сначала доедем до площадки.

Айтула, несмотря на возраст, ехала верхом на коне и находилась в середине группы. Женщины гор держались в седле не хуже мужчин, более того, они владели оружием и при нападении врага участвовали в боях.

Шахид ехал впереди, за ним – Канташ, далее – Чика и остальные. На тропе приходилось растягиваться один за другим.

Группа подъехала к площадке, где останавливались все путники для отдыха. Казалось, сама природа одарила людей таким подарком. Это была даже не площадка, а целый майдан, где могла сделать привал не одна сотня. Люди постарались и привели стоянку в надлежащий вид. Устроили специальное место для привязки коней. Ближе к отвесной скале был построен навес, чтобы путник мог прилечь на постеленную солому и отдохнуть. Чуть поодаль, сверху с горы, тёк небольшой ручей-родник. Здесь же – длинное деревянное корыто, куда собиралась вода из ручейка, из которого люди поили лошадей, сами утоляли жажду и умывались.

Все собрались в зоне отдыха.

– Почему встали? – как и ожидали, спросила Айтула.

– Не волнуйся, нана. Мы решили немного передохнуть. Подкрепимся, напоим коней и тронемся дальше, – ответил Канташ.

– Тут немного осталось, один подъём преодолеть, а вы решили отдохнуть, ещё и покушать. Думаете, нас там не накормят? – с досадой заметила Айтула.

– Канташ прав, – вступил в разговор Шахид, – не волнуйся, Айтула. Мы решили так, потому что коней надо напоить и дать им передохнуть. И себя немного приведём в порядок. Хозяева и вся ваша родня даже не почувствуют, что мы с дороги.

– Хорошо, время у нас есть, – согласилась она с доводами, – только недолго.

Все спешили, напоили коней, привязали их. Каждый чем-то занялся. Некоторые прилегли на солому под навесом, что не понравилось Шахиду.

– Не успели полдня проехать и устали? – не мог он успокоиться. – Что такое два дня пути? Вы не должны, если даже и устали, показывать это, тем более перед наной. Вот молодёжь пошла, никакого стыда не осталось. Я сделаю выводы, имейте в виду.

– Не ругай их, не думаю, что они прилегли из-за усталости. Полагаю, что с озорства, молодые ещё, – заступилась Айтула.

– Знаю я их, им только дай волю, сутками могут спать, – смягчился Шахид. Затем присел, чтобы присоединиться к трапезе.

Отдых длился недолго, чуть перекусили, напоили и накормили коней. Шахид стал раздавать команды для быстрого сбора. Погода для ранней весны стояла хоть и пасмурная, но чудесная. Не холодно и не жарко. Прохладный горный воздух словно наполнял при вдохе тело силой. Ехать путникам оставалось немного, и поэтому все собирались спокойно. Канташ тоже отдавал кое-какие распоряжения.

– Время бежит быстро. Собираемся и едем, – отдал он приказ властным голосом.

– Что-то кони забеспокоились и резко взлетели после крика птицы, – заметил Чика.

– Что это значит? – спросил Канташ. – Ведь вокруг никого нет.

– Не забывайте, что этот край называют ча-мохком. Тут ранней весной медведя можно встретить в любое время, – сказал в ответ Чика и спокойно стал собираться.

– Кое-где ещё снег лежит, звери же ведь ещё в спячке?

– Да, но весной они выходят из своих берлог. Спячка заканчивается в это время.

Канташ стал беспокоиться и с волнением посмотрел в сторону скалы, за которую только что отошла мать. Это заметили и другие.

– Позови её, пусть поторопится, – сказал Шаид Канташу. – Думаю, нет причин для беспокойства. Многие парни тоже ходили за эту скалу и ничего не заметили. Я с тобой.

Не успели они подойти к скале, как оттуда выбежала Айтула. За ней нёсся огромный медведь. Многие замерли на какой-то миг. Шаид, резко оттолкнув Канташа, побежал навстречу медведю. Канташ от неожиданности чуть не упал, но, оправившись, помчался за ним. Чика крикнул, чтобы они остановились и замерли, но его никто уже не слышал. Пропустив Айтулу, Шаид обнажил кинжал и пошёл навстречу медведю. Многие вытащили луки со стрелами, но Шаид уже оказался между ними и зверем. Увидев перед собой человека, медведь встал на задние лапы и, громко рыча, пошёл навстречу.

Всё произошло молниеносно, никто не успел ничего понять, и все оказались только невольными свидетелями битвы человека и зверя. Шаид резко снял с головы папаху, подбежал вплотную к зверю и бросил её вверх перед самым его носом. Медведь заинтересовался папахой, подпрыгнул, чтобы поймать её, в это время Шаид сильным ударом вонзил кинжал в брюхо и, отскакивая в сторону, полностью распорол его. Медведь резко сел, кишки вывалились наружу, казалось, что он всё понимает и хочет их собрать обратно, стал перебирать их. В это время Канташ нанёс удар копьём ему прямо в ухо. Медведь упал поверженный. Ужасная битва закончилась так же молниеносно, как и началась.

Все стояли окаменевшие. Жуткая сцена встречи человека и зверя, как всегда, обернулась трагедией убийства.

Подожёл Чика и стал успокаивать Айтулу, которая вся дрожала и не могла прийти в себя от происшедшего. То же самое сделали Канташ и другие путники.

– А ты мог бы и послушать меня, – сказал Чика, обращаясь к Шаиду. – В это время медведи обычно на людей не нападают. Наверное, он шёл к водою, а тут мы. Я смог бы его отпугнуть.

– Ты умеешь с ними разговаривать? – вспыхнул Шаид. – Откуда мы можем знать, что у зверя на уме? Разве я могу рисковать жизнью Айтулы? Ты извини, Чика, но мы в ответе перед Сурхо, который доверил нам эту поездку.

– Что случилось, то случилось, – ответил Чика, – не будем зря время терять. Ближайший аул тут недалеко, там и скажем, что здесь лежит медведь. Пусть придут и разделают, а нам некогда. Ты молодец, Шаид, я не знал, что так ловко можно одолеть могучего зверя, который наводит на всех страх. Мы даже моргнуть не успели. Хороший урок для молодых.

– Это специальный приём против косолапого. Когда сталкиваешься с ним, другого выхода нет, – ответил Шаид уже спокойным голосом. – Молодым хороший урок, но они могли бы и опередить меня, показать свою смекалку.

– Напрасно так говоришь, я же говорю, что мы и глазом не успели моргнуть, – встал Чика на защиту молодых воинов. – Кому, как не мне, знать повадки зверей, особенно медведя. Ты вон и Канташа чуть с ног не свалил.

– Я должен вырастить из них настоящих воинов-бессмертников.

– Спасибо тебе, Шаид. Я твой вечный должник. Нам пора, поехали дальше, – сказал Канташ и дал команду отправляться, ещё не до конца придя в себя от происшедшего.

Группа тронулась в путь, а один из воинов по приказу Канташа поскакал вперёд до ближайшего аула, чтобы сообщить о случившемся.

Глава 6

Важная встреча

*На дне терпения оседает золото.
Имам Шамиль*

Итон-Кхаъл – один из красивейших уголков мироздания. Живописные места приводили в небывалый восторг любого, кто оказывался здесь впервые. Чудесной красотой изысканной природы этого края можно любоваться бесконечно. Величавые горы под вечными снегами. Лесистые горы, покрытые разными породами деревьев, плодовых кустарников, будто собранных здесь из разных уголков земли для сохранения. Луга с обилием разнотравья, на основе которого создаётся лекарственное сырьё. Местное население, особенно жрецы, испокон веков пользуются этими дарами для врачевания. В свойствах лечебных трав разбирались и воины, которые при любых ранениях должны были оказать быструю медицинскую помощь товарищу.

Несведущему новичку, впервые оказавшемуся в этих местах, при виде этих гор кажется, что до них рукой подать и можно легко взобраться. Но не тут-то было: только взберёшься на одну, а там уже другая гора начинается. Вот так вереница горной цепи приводит человека, если хватит сил, к вершинам скалистых и лесистых гор.

Сама земля давала возможность горцам достойно защищать свой край от врага. Многие захватчики после долгой осады и невозможности вести открытый бой уходили ни с чем, при этом уничтожая всё на своём пути. И даже это отступление для врага было нелёгким, так как в тактике ведения ночных боёв при невидимых условиях нахи не имели себе равных. Воины могли напасть в любое время суток, нанести существенный урон противнику и так же внезапно раствориться во мгле ночи в непроходимых лесных чащах. Иногда противник, видя, что за ним идут по пятам, нанося огромный ущерб, мог остановиться, чтобы дать отпор на заре. Каково же было его удивление, когда удар наносили с тыла, то есть за короткое время ночи нахские воины могли переместиться, преодолев любое расстояние на любой местности.

...В Итон-Кхаэле их уже ждали. Сурхо заранее послал гонца сообщить об их прибытии. Это должно было ускорить задачи послов, особенно в переговорах с Алимбеком.

На краю аула они спешили и дальше пошли пешком, держа коней под уздцы. Не полагалось подъезжать к дому верхом на коне, особенно если среди встречавших жителей были старики, тем более родственники. Ватага ребятишек бросилась навстречу гостям. Почти все родственники Айтулы ждали на улице. Подойдя во дворе к встречающим на правах старшего, Шадид поздоровался, поднимая правую руку. Хозяева также приветствовали гостей поднятием правой руки. Это был ритуал приветствия у нахов. Подача руки друг другу – обычай, совершавшийся в особых случаях: перемирие кровников, враждующих сторон, заключение договоров, сделок и иных соглашений. Подтверждение клятвы или верности данному слову сопровождалось другим жестом – прикладыванием сжатой в кулак правой руки к сердцу.

После приветствия, расспросов друг друга о здоровье родных и близких всех пригласили к застолью.

Канташ чувствовал себя как дома. Все его знали, ждали, он пользовался у родных особой любовью. Ему не терпелось поскорее увидеться с Алет. Как будто разгадав его мысли, подошёл Шадид.

– Канташ, сам знаешь, у нас мало времени. Я договорился с твоим дедушкой о встрече с Алимбеком. Он скоро будет здесь, а пока навещает своих родственников. Я и не знал, что твой дедушка и он – друзья. И Сурхо нас не предупредил. А ты знал?

– Конечно, знал, все об этом знают, – ответил Канташ.

– А я почему не знаю? – возмутился Шадид.

– Я думал, если все знают, и ты знаешь.

– Хорошо. Ты иди, нужно встретиться с Алет. Разговор с ней должен быть прямым и ясным. Думаю, дело это решённое. Но ведь женщины есть женщины, что у них в голове, никто не знает. Так что заручись её согласием.

Канташ смущённо опустил голову. Шадид был намного старше, и ему неудобно было говорить с ним на эту тему.

– Ты меня понял? – спросил его Шадид, отлично понимая его состояние.

– Понял, – выдавил из себя Канташ.

– Тогда идите. Парней с собой возьми, пусть тоже присмотрятся. Я слышал, здесь много красавиц. Айту-ла сказала, что Алет уже предупредили, она пойдёт за водой.

* * *

Подъезжая к роднику, Канташ и его друзья спешили. Это был не столько родник, сколько источник, который струёй вырывался из-под горы. У Канташа от волнения забилось сердце. Он издали заметил Алет.

Она была с подругой и невесткой – женой своего брата. Воду набирала подруга, а Алет с кувшином стояла рядом. Конечно, она заметила Канташа и его друзей, но виду не подавала, тем более на её лице не было заметно и тени радости от приезда возлюбленного. Такие скромность и сдержанность были свойственны горским девушкам.

Вперёд вышел Солта (как друг, представляющий интересы жениха) и за всех поздоровался с теми, кто был у родника. В ответ все тоже поздоровались. Местные молодцы, видя, что подошли гости, как положено, в знак особого уважения предложили свои услуги в случае, если будет нужна какая-то помощь. Гости с благодарностью отказались.

Соблюдая приличное расстояние, Солта подошёл и первым заговорил с Алет. Она, опустив голову, слушала, изредка посматривая в сторону Канташа, который стоял рядом и не отрывал от неё своего взгляда.

– А что Канташ молчит? – с улыбкой спросила Седа, подруга Алет, заметив, что Канташ стоит весь красный от волнения.

– Он у нас очень стеснительный. Ждём, когда придёт в себя от радости, что увидел Алет, – пошутил Солта.

Все улыбнулись. Канташ тем временем стоял как вкопанный и молчал. Столько хотел сказать при встрече, ночами придумывал нежные слова, а сейчас всё вылетело из головы. Даже достойно поздороваться не смог. Солта между тем, понимая состояние друга и спасая его достоинство, продолжил, как хитроумный и ловкий сват.

– Алет, прошу нас правильно понять, мы сегодня с особым поручением. Вы давно пришли по душе друг другу, об этом знают и наши, и ваши. Как близкий друг Канташа я знаю больше. Наши отцы и деды так жили, и мы должны так жить. Стало быть, пришло время вам соединиться. Вы оба подошли к этому важному событию, Канташ и потерял дар речи. Я считаю, что это очень хорошо, потому как это говорит о его истинных чувствах к тебе, и не хочу сомневаться в том, что это взаимно. Просим тебя, Алет, из любви к нам и к Канташу ответить согласием.

Алет стояла молча, опустив голову. На какое-то время воцарилась тишина, слышались лишь негромкие слова других, таких же влюблённых, которые вели беседы между собой у родника. Чувствовалось, что девушка сильно волнуется, как и Канташ. В разговор вступила Седа:

– Может быть, вы торопитесь? Не успели приехать, толком поговорить – и сразу такое предложение.

– Почти каждый раз, за редким исключением, я приезжаю сюда с другом, – ответил Солта. – Этому знакомству почти два года. Канташ о других девушках и слышать не хочет, поэтому не считаю, что торопимся. Канташу, как и всем, пора приходить домой, к своему очагу. С твоего согласия, Алет, мы хотим прислать сватов. Наши родители обо всём знают. Решение – за тобой. Поверь, мы не хотим на тебя давить, но ответ нам нужен сегодня, – решительно заявил Солта.

Алет молчала. Канташ не понимал, почему она молчит. Ему всегда казалось, что она ждёт того дня, когда он сделает ей предложение. Наконец она подняла голову и посмотрела на Канташа. Их глаза встретились, сердце Канташа забилось учащённее, руки вспотели. В её глазах тоже были видны волнение и какая-то непонятная тоска.

– Я не могу вам сейчас ничего ответить, – дрожащим голосом произнесла Алет и опять опустила голову.

Канташ взревел внутри себя, кулаки сами по себе сжались. Единственная мысль – не оборачиваясь, уехать отсюда. Он всякого мог ожидать, но только не этого.

– Подожди! – тоже не понимая, что происходит, воскликнул Солта. – Как это? Что случилось? Ты нас ставишь в неловкое положение.

Между тем Седа вплотную подошла к Алет и что-то нашёптывала. Видно было, что и подруга её не поняла. Что-то сказала и невестка, которая часто приходила с ней по воду и была свидетельницей, как и Седа, их встреч и бесед.

– Может быть, я и неправа, – продолжила Алет, – но у меня в прошлом году погиб двоюродный брат. Я хочу дождаться года со дня его смерти.

– Это не разговор, – вырвалось у Солты. – Мы знали твоего брата Юту. Он был мужественным воином. Вместе с ним в бою погиб и брат Канташа Мутуш. Выходит, ты поступаешь правильно, а мы не чтим память нашего родича? Если ты это говоришь, чтобы уклониться от ответа, то ты неправа. Подумай хорошо.

– Я не ожидал от тебя такого, – в разговор вступил Канташ. – Это не причина для отказа. Лучше скажи правду. Если у тебя появился кто-то другой, то беспокоить и осуждать я не буду...

– Нет у неё никого, – перебила его Седа. – Я сама не понимаю, что с ней. С утра, когда узнала, что вы едете, высматривала дорогу. Это у неё от волнения, смущается.

– Сейчас не время для смущения, – сказал Солта. – В прошлый раз, когда мы встречались, ты подарила Канташу серебряный кулон. Сказала, что он достался тебе от покойной бабушки. Что может быть для человека дороже? Или ты забыла, что по нашим обычаям такой шаг равносителен помолвке? Это даёт нам право забрать тебя прямо отсюда и прислать сватов.

– Только не это. Вы её простите, это она от радости оробела, – ответила за девушку невестка.

– Я жду от тебя ответа, Алет, – повторил Солта.

– Я не знаю, что вам сказать. Я не готова вам дать сейчас ответ, – промолвила Алет.

Все стояли, не понимая, что делать. Солта не унимался. Канташ был растерян. Седа с невесткой пытались объяснить девушке, что так нельзя. Так и не услышав от Алет внятного ответа, Седа сказала за неё, что они могут прислать сватов. Никто ничего не понимал.

А дело было в её отце. Тута, когда узнал, что дочь видится с сыном Сурхо, велел порвать эти отношения. Супруге дал понять, что и среди аккинцев женихов достаточно. Он ничего не имел против Сурхо и его сына. Более того, Тута был близким другом Шаида, отца Айтулы, но породниться с ними в его планы не входило.

– Хорошо, пусть это будет на твоей совести, – резко бросил Канташ, от злости скрипнув зубами. – Я против, чтобы сватов посылали. Я такого отношения к себе не заслужил. Не ожидал от тебя...

Канташ резко повернулся и, к удивлению всех, ушёл. Солта окликнул его, но тот уже ничего не слышал. Алет тем временем закрыла руками лицо и заплакала. Все поторопились за своим другом и командиром. Солта быстро догнал Канташа.

– Ты что, брат, такой быстрый? Я узнал от их невестки, в чём дело.

– И в чём? Решила при всех меня унижить? – возмутился Канташ. – Мне и в голову не могло прийти, что всё так обернётся. Знай я это, ни за что сюда не приехал бы. Надо мной теперь весь Итон-Кхаъл будет смеяться.

– Да послушай...

– Не хочу ничего больше слышать об Алет.

– Хочешь вот так сразу сдаться?

– При чём тут это? Она меня при всех оскорбила. Ты это понимаешь?!

– Я всё понимаю, но хочу, чтобы ты меня выслушал, – уже повысил голос Солта. Остальные товарищи тоже уговаривали Канташа не горячиться.

– Извини. Я тебя внимательно слушаю.

– Тут какая-то тайна. С выводами торопиться не будем. Когда ты ушёл, Алет заплакала. Ты когда-нибудь видел, чтобы девушка при всех проявляла такую слабость? Я уверен, что сегодня ей пришлось вести с нами такой разговор помимо своей воли. Почему-то против нашего союза её отец Тутта. Мне сказала Седа, и их невестка подтвердила это. Так что сейчас придём и всё расскажем Шадида, спокойно обсудим и найдём решение.

– Я ничего решать не хочу, – не мог успокоиться Канташ. – Алет меня оскорбила при всех. Лучше бы она прислала кого-то и сказала, что не может прийти к источнику. Но вот так, при всех отказать мне...

– Что ты такое говоришь? Она разве отказала? – прервал его друг. – Вовсе нет. Просто сказала, что сразу ответить не может, и я уверен, что она ничего лучше не могла придумать, кроме того, что хранит память о Юте. Это повод. Она не хочет тебя потерять. Поверь мне, я точно знаю.

Так, споря, парни подошли к дому. Шаидид ждал их во дворе. Все насторожились – не случилось ли чего. Они и подумать не могли, что суть их разговора у родника уже знали все домочадцы.

– Всё в порядке? – удивлённо спросил Канташ. Больше всего он боялся за мать, но увидел её на крыльце.

– Всё хорошо, Канташ. Иди к матери, она хочет с тобой поговорить, а мы здесь потолкуем с Солтой.

Канташу стало неловко. Он понял, что речь пойдёт о нём. В голове не укладывалось, как это так быстро все всё узнали. Единственное, чего он сейчас хотел, – это сесть на коня и умчаться подальше отсюда. Не говоря ни слова, он пошёл к дому. Мать зашла внутрь, Канташ последовал за ней. В комнате с матерью они остались вдвоём.

– Нана, извини меня, речь обо мне? – спросил Канташ.

– Да, сынок. Мы всё знаем. Соберись, возьми себя в руки и не торопись сердиться на Алет. После нашего последнего приезда здесь произошли кое-какие изменения. Тутта не знал, что у нас серьёзные намерения. Он хотел засватать Алет за сына ближайшего друга Алимбека. Кстати, по велению судьбы они тоже приехали сюда, чтобы познакомиться. Тутта, кроме того, ярый сторонник того, чтобы аккинцы роднились между собой. Твой отец об этом знает. Это я уговорила его, чтобы дал своё согласие на этот союз.

– Что об этом теперь говорить. Пусть будет, как они хотят, – опустив голову от стыда, что его дела явны для всех, сказал Канташ. – Между нами всё кончено, Алет отказала.

– Сынок, за счастье надо бороться. Она в растерянности и не знает, как ей быть. Воля отца у нас – закон, ты это знаешь, но обойти это тоже можно, если захотеть.

Твой отец, когда узнал, что меня сватают за другого, похитил меня через окно и увёз. А ты сразу – всё кончено.

Ничего не кончено, всё только начинается. Пока вас не было, Шаид поговорил с моим отцом. Ты знаешь, как дедушка тебя любит. Он всё уладит. О наших намерениях не знает и Алимбек. Если он узнает, думаю, решит это дело в нашу пользу, он ведь сильно уважает твоего отца.

Правда на нашей стороне, вы почти два года видите и уже помолвлены. Я рассказала даде про кулон. Знаю, что тебе тяжело, но не горячись. Немного терпения – и Алет будет наша. А теперь иди, отдохни, развейся с друзьями, родственников навести. Ты же почти никого не видел. Обратного сегодня уже не успеть, поэтому заночуем и поедем утром. Всем юношам передай, что в честь вас хотят устроить синкъярам⁴⁶.

* * *

Тем временем Шаид отвёл в сторону Солту. Остальные, не зная, что делать, стояли в ожидании распоряжений. Все понимали, что сватовство пошло не так. Шаид нервничал.

– Солта, расскажи подробно, что случилось.

– Что тут рассказывать, ты уже знаешь, что Алет нам ясного ответа не дала. Придумала, что хочет подождать годовщину смерти двоюродного брата. Но это просто причина, чтобы оттянуть время. На самом деле, как мы и догадывались, Тута против...

– Это я уже знаю, – прервал его Шаид.

– Алет, чувствуется, очень переживает, она заплакала, когда рассерженный до неузнаваемости Канташ ушёл, – продолжил Солта. – Потом мне подруга объяснила, что Тута против такого союза и якобы хочет отдать её за сына лучшего друга Алимбека. Нехорошо как-то получается.

– Я так понял из разговора с Шаидом, Алимбек не знает, что Сурхо хочет породниться с Тутой. Шаид, когда узнал все подробности, пообещал всё уладить ради внука. Он как юрт-да⁴⁷ поселения пользуется здесь большим авторитетом. С Алимбеком они в хороших дружеских отношениях. Думаю, даже в родственных. Так... потом поговорим, вот и Алимбек подъехал.

Действительно, пока они разговаривали, к дому подъехал целый караван. Впереди на гнедом коне сидел Алимбек. Все спешили. Молодёжь подбежала, чтобы забрать у гостей коней и привязать в специально отведённом месте. Шаид, как старший дома и юрт-да, вышел навстречу гостям. Алимбек, подойдя поближе, приветствовал всех, а с Шаидом обнялся. После приветствия Шаид представил Шаида как дорогого гостя от Сурхо.

– Как почтенный Сурхо поживает? – спросил Алимбек.

– Хорошо, здравствует. Просил всем передать приветствие и пожелать здоровья.

– Отчего сам не приехал? Мы были бы рады его видеть и как нашего зятя, и тем более как вождя. Шаид представил тебя, не ведая, что мы друг друга давно знаем.

– Я в этом не сомневался, но на всякий случай представил, – сказал Шаид, не дав ответить Шаиду. – Как не знать самого близкого человека Сурхо и такого воина? Теперь прошу всех в дом, об остальном поговорим там. Шаид приехал с важным поручением от Сурхо.

– Да? Это интересно. Сурхо просто так ничего не делает, – ответил Алимбек и пристально посмотрел на Шаида. – Надеюсь, что поручение приятное, я не вижу на твоём лице волнения.

Шаид не знал, что и ответить, удивлённый пронизательностью дорогого гостя.

Все вошли в дом. Через некоторое время со своими людьми подъехал и Тута. Его встретили и тоже провели в дом.

---

⁴⁶ Синкъярам (чеч.) – вечеринка.

⁴⁷ Юрт-да (чеч.) – глава поселения (дословно – отец аула).

Канташ не находил себе места. Друзья понимали его и старались отвлечь, но он вроде и слушал их, а голову сверлили мысли о сегодняшнем разговоре с Алет. Хотя он и согласился с доводами матери не торопиться с решением, но думал только об одном: распрощаться с Алет и поскорее уехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.